ДЕКАБРЬ
5
ВОСКРЕСЕНЬЕ
1937 год.
№ 66 (702)
Цена 30 коп.

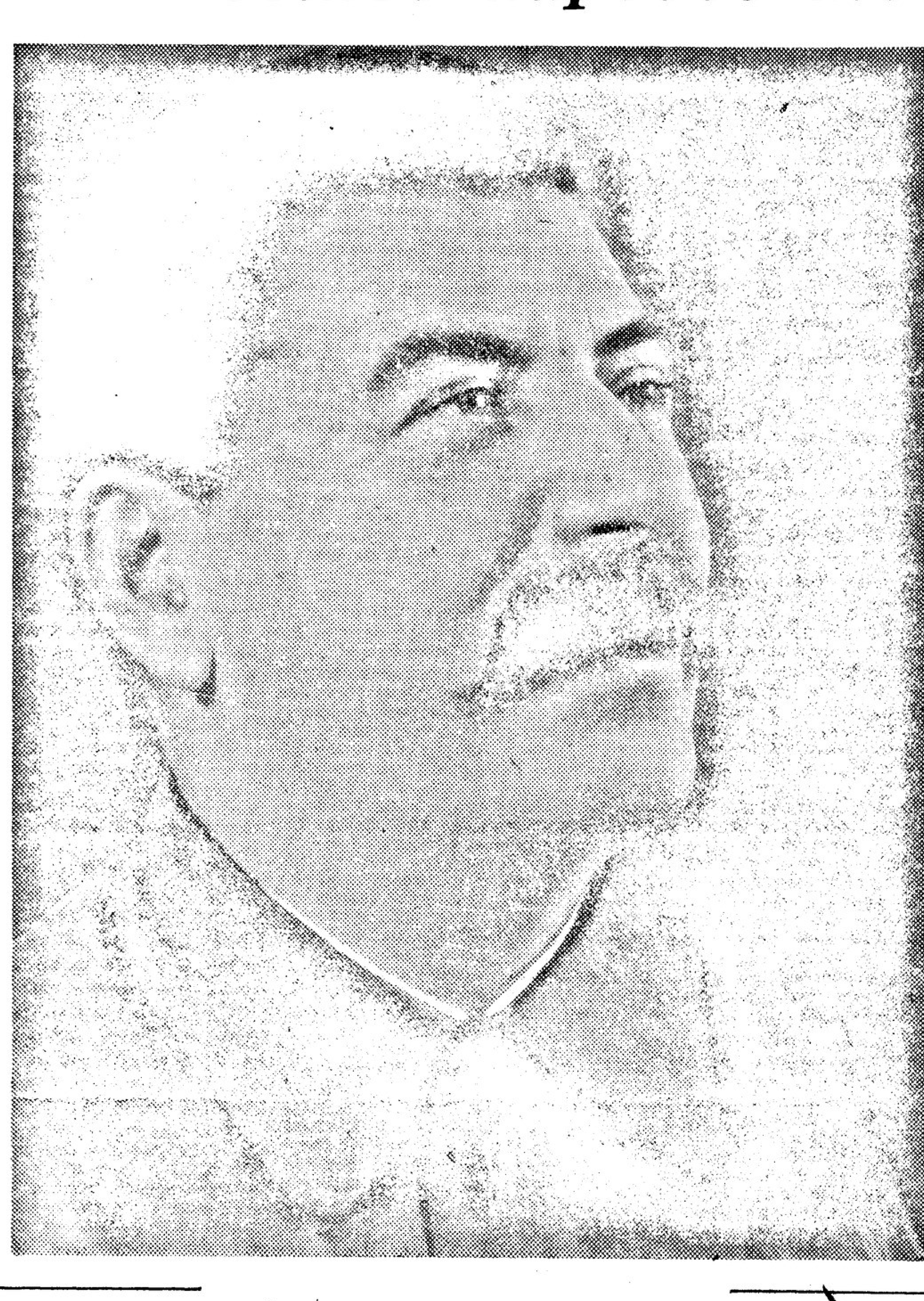
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

Да здравствует Сталинская Конституция первого в мире социалистического государства! Да здравствует творец Конституции — вождь народов товарищ Сталин!

Теперь, когда мутная волна фашизма оплевывает социалистическое движение рабочего класса и смешивает с грязью демократические устремления лучших людей цивилизованного мира, новая Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы. (Аплодисменты). **Новая Конституция СССР будет моральной помощью и реальным подспорьем для всех тех, кто ведут ныне борьбу против фашистского варварства.** (Бурные аплодисменты).

Еще большее значение имеет новая Конституция СССР для народов СССР. Если для народов капиталистических стран Конституция СССР будет иметь значение программы действий, то для народов СССР она имеет значение итога их борьбы, итога их побед на фронте освобождения человечества. В результате пройденного пути борьбы и лишений приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед. Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты. (Продолжительные аплодисменты). **Это вооружает духовно наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию. Это двигает вперед и поднимает чувство законной гордости. Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма.** (Бурная овация. Весь зал встает. Громовое «ура». Общие возгласы: **«Да здравствует товарищ Сталин!»**. С'езд стоя поет «Интернационал». После исполнения «Интернационала» овация возобновляется. Крики: «Ура!», **«Да здравствует наш вождь товарищ Сталин!»**).

(И. В. СТАЛИН. Доклад о проекте Конституции Союза ССР)

Будем защищать наше счастье

Мы увидали в минувшем году рядом с собой чудовищное предательство, перед нами открылись гнуснейшие преступления, омерзительнейшие действия, и все это было зарисовано, загримировано рукой подлейшего притворщика, все это было прикрыто лаком слов, маской добродетели, одеждой и повадкой бойца социализма. Я говорю о вскрытой диверсионной и шпионской деятельности троцкистов-бухаринцев. Все эти ужасные преступления были направлены против Сталинской Конституции, против всех людей, кто проводил ее. Конституция показала всю мощь своего движения, неустанного и победоносного; Конституция разгромила врагов социализма и вооружает к дальнейшим разгромам.

Для всех граждан Союза, равно как и для всех трудящихся земли, Конституция — не только памятник побед социализма, но и программа действий. Для граждан Союза эта программа состоит в том, чтобы защищать свои завоевания, для остальных трудящихся земли — приобрести их.

Чем прельстителен социализм для художника? Он прельстителен прежде всего тем, что уничтожает нищету труда, обессмысливание его. Труд стал творчеством, тогда как до Советов он прежде всего был заботой. Видеть, как человек от подошвы до головы меняет свое духовное одеяние, видеть, как человек наполняется и крепнет оптимизмом, — это редчайшее счастье для художника. Художник прежде всего защищает оптимизм Конституции. Оптимизм, — это и есть свобода слова. Создание художником оптимистических, мощных, правдивых книг это — создание подлинной свободы слова. Враги спекулировали не только в драме, критике, поэзии, но, создавая группы, они вовлекали туда писателей, спекулируя на чувстве солидарности и естественного стремления художников поделиться своей творческой радостью с другим, найти близких сердцу, чтоб работа спорилась, чтоб в книге было меньше слабости, чтобы обобщить опыт и приобрести недостающие знания.

Это законное и совершенно необходимое стремление художника топталось в грязь, презиралось всеми этими подлецами от критики вроде Воронского, Авербаха, драморубами вроде Киршона и Микитенко, строчителями вроде Ясенского и прочей мерзостью, о которой и вспоминать противно, но о которой тем не менее надо вспоминать, потому что эти люди стремились сделать писательский труд не трудом социализма — оптимистическим, радостным трудом, трудом мысли, — а делали его заботой, тягостной, нудной вроде того, как путник идет в слякотную осень и мало надеется выйти на твердую солнечную дорогу, — и ветер-то его бьет, и дождь-то его мочит, и серо-то все вокруг.

Спекуляция на необходимости и важности совместной работы художников нельзя сказать, чтобы была разгромлена окончательно. Это сложнейшая работа, и в первую очередь она заключается в том, чтобы художники нашли подлинные образы, равно как и раз'яснили и популяризовали те образы, которые уже найдены.

В этой работе над созданием подлинного образа, естественно, внимание сосредоточивается на качестве работы, на качестве самого художника, потому что и образ и художник неотделимы. Оба эти элемента дальнейшего успеха несомненно есть и широко обсуждаются художником, и чем яростнее, чем беспощаднее будет работа над качеством и человека и художника, скорее исчезнут спекулянты и возможности для спекуляции. Для этого необходим не только весь фронт наступления, но и отдельные удары по отдельным пунктам, пораженным противником.

Вредительство авербаховцев весьма остро поразило наш театр, привив ему элементы схематизма, упрощенчества и лжи. Вредительство это еще не уничтожено, не разгромлено до конца, и мы иногда видим на театре—допущенные, может быть, невольно —ловкие приемчики Киршонов, всю их спекуляторскую терминологию, все их методы бандитской драморубни. Театры попрежнему склонны к отпискам, ставят слабые вещи, чураются трудностей, а о том, чтобы поставить молодого автора — и говорить не приходится. Ни МХАТ, ни Малый, ни театр Вахтангова за последние годы не показали ни одной пьесы молодого автора. Мне могут сказать: «А Вирта?» Н. Вирта и его роман «Одиночество» открыты и признаны, как известно, не театром и даже не союзом писателей.

Я не хочу сваливать всю вину на театры, в некоторой степени виноваты и мы, писатели. Драма, как правило, до появления ее на сцене совершенно не обсуждается, а обсуждение напечатанных пьес могло бы принести большую пользу, потому что театры весьма чутко прислушиваются к мнению писательской общественности. Совершенно не выходят альманахи пьес. Пьесы национальных авторов плохо переводятся на русский язык, во всяком случае редко встретишь их в журналах.

Защита нашей гордости — Сталинской Конституции — это защита нашей жизни. Наша жизнь — это труд. Наш труд — это счастье. Будем защищать наше счастье!

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

Узбекская песня о Конституции

В могучем содружестве сталинских стран
Звездою сияет Узбекистан.
В полях наших сказочный хлопок цветет,
Нас Сталин и партия движут вперед.
В лучах и колосьях сияет наш герб, —
В железном содружестве молот и серп.
Под этим гербом сравняли свой шаг
Узбек и счастливый каракалпак.
Насилье и рабство исчезли навек.
И спину свою разогнул человек.
Слова Конституции право дают
На отдых, культуру и творческий труд.
Гудит, как набат, над страной манифест:
«Кто не работает, тот не ест».
Запели в сердцах миллионов людей
Слова величайшего из вождей.
Словам Конституции верен народ,
В ней каждая строчка о счастье поет,
В ней каждая буква сверкает, как луч,
Как солнце, творец ее смел и могуч.
Довольство и счастье несет нам закон.
Плывет над страною серебряный звон,
И плещутся песни над зеленью рощ.
Спасибо тебе, наш учитель и Вождь.

Перевел с узбекского
К. АЛТАЙСКИЙ

Песня о Сталинской Конституции

Ашуг Асад

Руки вскинуты вверх, и глаза от восторга смеются,
Струны саазов несут по земле несмолкаемый звон.
Над страною, как солнце сияя, встает Конституция —
Мудрый, сталинский, ясный, несущий нам счастье закон.
Входит Азербайджан наш звездой в созвездье Союза.
Никому не дадим завоеванных кровью свобод,
Вместе с правом на труд получил свое право на вузы
Жадный к знаниям, радостный азербайджанский народ.
Хороши у нас люди в полях и в садах, и у вышек —
И ударники нефти, и наших полей силачи.
Не страшны нам враги — у нас силы кипучей излишек.
Наши плуги в порядке, и остро сверкают мечи.
Конституцию мы, словно знамя пред боем, подняли,
Мощный Азербайджан говорит, как один человек:
— Да живет наш любимый, великий и солнечный Сталин,
Да цветет и сияет счастливейший Сталинский век!

Перевел с азербайджанского
К. АЛТАЙСКИЙ

Про мудрого учителя и правду-книгу

На высокой горе, да в глубокой норе было закопано золото. И сидел над ним Кащей-Смертоносец, злющий-презлющий. На место бороды у него — гадюки-людодавы, на место пальцев—сабли да пики

Никого не допускал Смертоносец к золотому кладу. Самые храбрые, самые отважные на гору взойти пытались. И просили, и молили люди Кащея, надеялись—может, смилуется Кащей и отступится от золота. А храбрые да отважные, головы своей не жалея, жен, детей дома кидали, на мечах с Кащеем бились, и все полегли: поборол их Смертоносец, не допустил до клада...

И вот народился один учитель — мудрая голова.

— Не просить, — говорит, — надо, а всем раным-раненько вставать, оружие в руки брать, Кащея-Смертоносца силою с горы прогонять!

Собрал он войска силу-сильную, весь народ поднял, и свернули-таки они шею Смертоносцу злющему и клад золотой отобрали.

А был у учителя товарищ верный, славный, богатырь-кузнец.

— Возьми, — сказал мудрый учитель кузнецу, — то золото и скуй людям золотое перо.

Как стал кузнец то перо ковать, стало оно всю правду чистым золотом писать-промовлять...

И та правда — книга, великий закон, где написана вся правда жизни, как людям наилучше на свете жить, чтобы не плакать, не тужить, а только радоваться.

То не сказка, потому что мы теперь с этою книгою живем, горя-лиха не знаючи.

(Записано со слов украинской колхозницы тов. ЯНЧУК)

Сто двадцать миллионов книг

Год назад Чрезвычайный VIII Всесоюзный С'езд Советов утвердил великую хартию социализма — Сталинскую Конституцию.

За этот год издательством ЦК ВКП(б) «Партиздат» выпущены большие тиражи литературы, посвященной Конституции и выборам в Верховный Совет СССР.

Доклад товарища Сталина на с'езде издан в количестве **27 миллионов экземпляров.**

Сборник о Конституции, в который входят доклад товарища Сталина, текст Конституции и «Положение о выборах», выпущен тиражом в 8 миллиона экземпляров.

Текст Конституции вышел в свет в виде плаката (1.700 тысяч экземпляров) и брошюрой тиражом в 8,5 миллионов экземпляров.

Общий тираж «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» достигает 35 миллионов экземпляров.

Большим тиражом изданы речи товарищей Молотова, Калинина, Жданова.

Брошюра тов. Вышинского «Положение о выборах в Верховный Совет СССР в вопросах и ответах» издана тиражом в 8.200 тысяч экземпляров.

Помимо этого было осуществлено роскошное, художественно оформленное издание текста Конституции на пяти языках народов СССР и свыше 100 тысяч экземпляров массового издания текста Конституции СССР на разных иностранных языках.

Общее количество литературы, вышедшей в «Партиздате» и посвященной Конституции, **превышает 120 миллионов экземпляров.**

«Жены рабочих читают Сталинскую Конституцию» — картина ленинградского художника Апостоли для юбилейной выставки «Индустрия социализма».

5 декабря

Год назад, 5 декабря 1936 года, Чрезвычайный VIII Всесоюзный С'езд Советов утвердил основной закон нашей страны — Конституцию Союза Советских Социалистических Республик. Это была историческая дата Великой Октябрьской Социалистической революции.

Чрезвычайный VIII Всесоюзный С'езд Советов постановил: «В ознаменование принятия новой Конституции Союза Советских Социалистических Республик об'явить день принятия — 5-е декабря — всенародным праздником».

Сегодня — всенародный праздник.

Год прожили мы под знаменем Сталинской Конституции. Год труда, борьбы и побед. Новые гигантские победы записаны в книгу социализма.

Этот год был годом подготовки к новому историческому событию — выборам в Верховный Совет СССР на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Права, записанные в Конституции, завоеваны кровью лучших сынов народа. Эти права пытались отнять предатели родины—троцкисты, бухаринцы, рыковцы, — все эти японо-германские шпионы. Им это не удалось и не удастся никогда. Партия, советский народ под руководством Сталина разгромили подлую шайку шпионов. Об этом хорошо сказал народный поэт Джамбул в своей песне «Нарком Ежов»:

Враги нашей жизни, враги миллионов, —
Ползли к нам троцкистские банды шпионов,
Бухаринцы, хитрые змеи болот,
Националистов озлобленный сброд.
Они ликовали, неся нам оковы,
Но звери попались в капканы Ежова.
Великого Сталина преданный друг,
Ежов разорвал их предательский круг.
Раскрыта змеиная вражья порода
Глазами Ежова — глазами народа.

Мы и в дальнейшем будем рушить змеиные гнезда, выкуривать всех гадов из нор и берлог. Нет места врагам на нашей священной земле!

Вся страна энергично готовится к выборам. 12 декабря советский народ будет голосовать за кандидатов народа, лучших людей страны, преданных до конца делу Ленина—Сталина, людей способных управлять социалистическим государством рабочих и крестьян. Сейчас народ на своих собраниях обсуждает кандидатуры будущих депутатов Верховного Совета, знакомится с теми, кому он доверит это высокое звание.

Право радостно жить, работать и творить! Об этом пока только мечтают рабочие, крестьяне и интеллигенция капиталистических стран. Конституция СССР—обвинительный акт против фашизма, моральная помощь и реальная поддержка для всех тех, кто ведет борьбу против фашистского варварства. Вот почему лучшие передовые люди всего мира горячо приветствуют Сталинскую Конституцию первого в истории человечества социалистического государства.

В своих выступлениях на предвыборных собраниях кандидаты и те, кто их выставлял, прямо обращаются к писателям с требованием — дайте нам книги, которые расскажут о нашей работе, о наших успехах, о пройденном пути, которые помогут нам жить и бороться за дело коммунизма. Говоря о пройденном за 20 лет пути и победах страны, кандидат в депутаты Верховного Совета по Подольскому избирательному округу (Московская область) тов. Реденс сказал: «Надо быть певцом, мастером слова, чтобы суметь рассказать о блестящих победах, одержанных советским народом». Да, надо быть певцом и мастером слова, чтобы воспеть величие нашей эпохи, рассказать о радостной жизни граждан цветущей страны социализма. Такие певцы и мастера слова у советского народа есть. Их воспитала партия и товарищ Сталин. Лучших из них советский народ выдвигает в депутаты Верховного Совета. Вот настоящая оценка народа писательской работы. Народ знает, любит и уважает писателя за его высокохудожественные произведения, которые учат жить, работать, бороться за дело Ленина—Сталина. Таким художникам народ отдаст свои голоса.

Советские писатели вместе со всем народом готовятся к выборам и своим метким оружием, художественным словом, активно помогают партии в ее агитационно-пропагандистской работе. Дружным, единым коллективом, сплоченным вокруг партии Ленина—Сталина, вокруг товарища Сталина, советские писатели идут на выборы в Верховный Совет.

Да здравствует Сталинская Конституция!

Да здравствует ее творец, вождь народов, великий друг и учитель наш Сталин!

Шалва Дадиани

Шалва Николаевич Дадиани—народный артист ССР Грузии, выдвинутый колхозниками Тбилисского сельского избирательного округа кандидатом в депутаты Совета Союза, является крупнейшим грузинским писателем-беллетристом и драматургом.

К двадцатилетию Октябрьской революции т. Дадиани написал пьесу «Из искры», в которой отображена одна из ярчайших страниц истории революционного движения в Грузии—зарождение первых большевистских организаций Закавказья под руководством великого Сталина.

★

Платон Ойунский

Кандидатом в Совет Национальностей от Таттинского избирательного округа Якутской АССР зарегистрирован Платон Алексеевич Ойунский.

Платон Алексеевич — основоположник якутской советской литературы и любимый поэт трудящихся Якутии.

Сейчас П. А. Ойунский руководит писательской организацией Якутии и институтом языка и культуры. Он любовно растит молодые кадры якутской литературы.

★

Мирза Ибрагимов

Имя молодого талантливого писателя Мирзы Ибрагимова, автора пьесы «Хаят», хорошо известно трудящимся Азербайджана. Колхозники Казахского района Азербайджана выставили кандидатуру тов. Ибрагимова в депутаты Совета Национальностей СССР.

Конституция и литература

И. ЛЕЖНЕВ

1

Без малого сто лет назад молодой еще в ту пору Маркс предпринял для разрешения волновавших его вопросов критический пересмотр «Философии права» Гегеля. С неукротимой пытливостью исследователя и страстью революционера Маркс в этом труде разоблачил подоснову всякого буржуазного права и всякой буржуазной государственности.

Теоретический гений Маркса обнаружил, что не только обычное повседневное законодательство, но и основные законы покоятся на фундаменте частной собственности. В результате марксова исследования оказалось, что частная собственность есть основа основ или, как он выражался, «конституция конституций, первичная, действительная конституция» буржуазного государства.

Прошло еще несколько лет, и Маркс совместно со своим другом и соратником Энгельсом выступили с «Коммунистическим манифестом». Здесь с поразительной ясностью и четкостью они сформулировали задачу возглавляемого ими движения революционных пролетариев:

«Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: упразднение частной собственности».

Долгие десятилетия борются пролетарии всех стран, чтобы осуществить эту благороднейшую во всей истории человечества задачу. Великая Октябрьская социалистическая революция именно тем и велика, что нанесла смертельный удар старому миру, господству капиталистов и помещиков, частно-собственническому свинству на земле. Сломив старую государственную машину, служившую для угнетения и эксплоатации народа, установив диктатуру пролетариата, наша революция занялась упразднением частной собственности на орудия и средства производства в огромной стране, охватывающей шестую часть планеты.

История нашей революции есть история героической борьбы за уничтожение остатков капиталистической, частной собственности и за утверждение собственности общественной, социалистической.

Великие победы, одержанные нашим народом во главе с рабочим классом и его партией, записаны в Сталинской Конституции. Самым крупным и решающим нашим завоеваниям посвящен первый раздел Конституции, в котором торжественно записаны такие наши всемирно-исторические победы, как отмена частной собственности на орудия и средства производства, уничтожение эксплоатации человека человеком, установление социалистической собственности на орудия и средства производства, установление власти трудящихся в социалистическом государстве рабочих и крестьян — СССР.

И если бы мы спросили себя, что является основой нашего нового основного закона — Сталинской Конституции, то должны были бы ответить:

— Социалистическая собственность.

Сталинская Конституция представляет собой как бы ответ на расстоянии века на Коммунистический манифест. Одна из важнейших и решающих задач, поставленных Марксом и Энгельсом, реализована в нашей стране под руководством Ленина и Сталина, и это с гордостью записано в Сталинской Конституции.

2

Советский народ, руководимый коммунистической партией, выполнил свой долг перед историей: лучшие мечты передовых умов человечества он воплотил в действительность. И естественный вопрос, который должны себе задать в эти дни литераторы, состоит в том, в какой мере выполнил свой долг «наш цех», в какой мере советская литература отразила в своих произведениях советскую действительность.

Конституция и доклад ее творца, товарища Сталина, о проекте Конституции СССР на Чрезвычайном VIII с'езде Советов являются итогом борьбы и побед за истекшие годы революции. Советская литература в эти дни подводит итог своей работе за двадцатилетие. Сличение итога литературы с итогом действительности представляет животрепещущий интерес для нашей писательской общественности.

Уже много раз говорилось и писалось о том, что литература наша отстает от темпов действительности. Это стало трюизмом, который одни писатели воспринимают с раздражением, другие — с миной «обреченности» на лице, третьи — с безразличием притупившихся нервов. Нашлись и такие, кто стал возводить зло в добродетель, и с унылой «находчивостью» провинциального зеваки-парадоксалиста стал доказывать, что так и должно быть, что литературе, мол, на роду написано сперва «отходить на расстояние» для чувства перспективы и уж потом изображать, что ей-де полагается быть... мудрой задним умом.

Эти ошибочные и вредные взгляды, эти размагниченные настроения некоторых писателей в большой мере проистекают от того, что вопрос об «отставании» ставится слишком огульно, неконкретно, на непривлекательный манер пустых попреков и ответного пустого отбрехивания.

Конституция вооружает нас и в том отношении, что позволяет важный вопрос поднять на приличествующую ему принципиальную высоту и одновременно наполнить его действительно конкретным содержанием.

Конституция и доклад товарища Сталина привели в стройную систему многообразие наших достижений, четко выделили решающие узловые пункты социалистической новизны, преобразующей старую действительность. Для познания нашей современности проложены важнейшие магистрали, по которым мы можем двинуться вперед.

Сличение итогов действительности и литературы несравненно облегчается. Последуем же по широко проложенным сталинским магистралям.

3

Первая статья Конституции устанавливает, что наша советская родина есть социалистическое государство рабочих и крестьян. В своем докладе товарищ Сталин говорил о глубочайших изменениях в классовой структуре СССР, о том, что пролетариат СССР превратился в «совершенно новый, освобожденный от эксплоатации, рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества», что «советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества». О советской интеллигенции, кровно связанной с рабочим классом и крестьянством, товарищ Сталин сказал, что «это совершенно новая, трудовая интеллигенция, подобной которой не найдете ни в одной стране земного шара».

Вот те изменения в классовой структуре советского общества, которые произошли в результате борьбы за полное и всестороннее упразднение частной собственности на орудия и средства производства, за торжество социалистических принципов в советской жизни.

Явился совершенно новый, незнаемый в прошлом, незнаемый и в настоящем нигде в мире, кроме нашей чудодейственной, социалистической родины, человек, с новым отношением к труду, к собственности, к богатству, к обществу, к семье, к другу и сотоварищу, к природе и к миру, с новой психологией, с новым строем мыслей и чувств.

Когда приезжают к нам иностранные литераторы, сторонние наблюдатели «с того берега», они дивятся нашему небывалому росту, гигантскому продвижению вперед в области хозяйства, техники и культуры, нашему непрерывному процветанию, отсутствию у нас кризисов и безработицы, колхозному строю советской деревни, безбрежным полям, отсутствию эксплоатации человека человеком. Многому дивятся иностранные писатели. Но совершенно безграничное изумление вызывает у них новый человек нашей страны.

Так, должно быть, изумлялись встарину наши мужики, когда впервые видели «чугунку»: телега на колесах, впереди лошади нет, а двигается, да еще как двигается! В советскую коляску не впряжена лошадь частно-собственнической инициативы и капиталистической жажды барыша, а мчится коляска вперед — только спицы мелькают. Куда?

— К коммунизму!

А ведь этот-то двигатель внутреннего сгорания, эти человеческие души, преображенные новым сознанием, и являются главным предметом писательской «инженерии».

4

Различие между человеком, охваченным атмосферой частно-собственнических отношений, и человеком социализма глубоко и всесторонне. Далеко не всегда и не во всей конкретности и полноте оно осознается нашими писателями. Особый интерес представляют в этом отношении подлинно пророческие строки молодого Маркса, записанные им в черновых тетрадях, представляющих подготовительные работы для «Святого семейства». Эти жемчужины марксовой мысли недостаточно известны вообще, а в писательской среде— в особенности.

Маркс писал:

«Частная собственность сделала нас столь тупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является **нашим** лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал, когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., когда мы, говоря коротко, потребляем его... На место **всех** физических и духовных чувств стало... чувство **обладания**».

«...Уничтожение частной собственности представляет полное **освобождение** всех человеческих чувств и свойств, но оно является этим освобождением именно потому, что эти чувства и свойства стали **человеческими** как в суб'ективном, так и в об'ективном смысле. Глаз стал **человеческим** глазом, подобно тому, как его **предмет** стал общественным, **человеческим** предметом, созданным человеком для человека».

«...**Чувства** общественного человека **иные**, чем у необщественного; ...отчасти впервые порождаются, отчасти развиваются человеческие, способные наслаждаться **чувства... Человеческое** чувство, человечность органов чувств, возникает только благодаря бытию **их** предмета, благодаря **очеловеченной** природе»...

«...История **промышленности, — гово**рит дальше Маркс, — ...есть **раскрытая книга человеческих сущностных сил,** чувственно предлежащая пред нами человеческая **психология,** которой до сих пор не рассматривали в ее связи с сущностью человека, а всегда лишь под углом зрения внешнего отношения полезности»...

«...На место политико-экономического **богатства** и **нищеты** становится **богатый человек** и богатая **человеческая** потребность. Богатый человек, это в то же время — человек, **нуждающийся** в выражении человеческой жизни во всей ее полноте, это — человек, у которого собственное осуществление дано как внутренняя необходимость, как **нужда**. Не только **богатство** человека, но и **бедность** его получают — при наличии социализма — **человеческое**, а, следовательно, общественное значение. Она есть пассивная связь, заставляющая человека ощущать потребность в том величайшем богатстве, каким является **другой** человек... Бурное чувственное проявление моей существенной деятельности, это — **страсть**, которая, таким образом, становится здесь **деятельностью** моего существа» («Архив Маркса и Энгельса», книга III).

Почти столетие назад гений Маркса видел внутренний мир человека социалистического общества с такой полнотой и ясностью, с какой его не видит известная часть наших советских писателей, хотя они живут в стране осуществленного социализма. Глубинные изменения самой конституции человека при переходе от капиталистического общества к социализму, которые предвидел и описал Маркс, по яркости могут сравниться только с преображением поэта, описанным в пушкинском «Пророке». Иное зрение («Отверзлись вещие зеницы»), иной слух («внял я неба содроганье»), иное сердце («угль, пылающий огнем»)...

И Маркс говорит об изменении глаза и слуха социалистического человека, о новом строе чувств, о новом восприятии «очеловеченной» природы, о новом отношении к труду, о безграничном богатстве очеловеченных чувств, о неистребимой страсти, выявлении творческих сил человека, о величайшем богатстве, которое несет для каждого **другой** человек.

Все эти чувства и склонности к творчеству, отчасти впервые порожденные, отчасти развитые в современном человеке социализма, мы ощущаем и внутри себя и вокруг себя. Небывалая и поразительная новизна самой конституции нового социалистического человека, пожалуй, нагляднее всего чувствуется при соприкосновении со старым миром.

Когда талантливый и образованный немецкий писатель Лион Фейхтвангер на каждом шагу, чуть ли не по пять раз на одной и той же странице своей книги «Москва. 1937» повторяет, что мы наивны, что мы ужасно наивны, то это свидетельствует только о том, как бесконечно далеко от нашей новой действительности восприятие человека, с головой погруженного в атмосферу частно-собственнических, капиталистических отношений.

Когда дитя отсталого захолустья впервые видит, как современный цивилизованный человек говорит в рупор телефонной трубки, не имея перед собой собеседника, то оно вероятно тоже считает: до чего же наивен и смешон этот цивилизованный человек, который разговаривает с... неодушевленной трубкой.

5

Как же отражена в советской литературе новая классовая структура нашего общества, о которой говорил Сталин и которая зафиксирована в Сталинской Конституции? Как в литературе отражена новизна самой конституции нового социалистического человека?

Было бы глубоко ошибочно и несправедливо недооценивать работы наших литераторов. За двадцать лет революции общими усилиями наших писателей создана большая советская литература, она в основном правильно отразила важнейшие явления нашей великой современности. Создан немалый фонд ценнейших книг, которые любит и знает народ.

Но есть у нас и достаточно прорех и минусов. Идут они, мне кажется, в трех направлениях. Первый из них — недостаточная еще широта тематического охвата: некоторые разделы нашей действительности (а среди них имеются и весьма важные) не получили или получили далеко не полное отражение в художественной литературе. Так, недостаточно книг посвящено у нас жизни и быту Красной Армии и Флота, их высокой культурной роли в мирное время, их возможностям в боевой обстановке. Кино здесь сделало сравнительно больше литературы. Мало книг о женщине, семье, детях. Образ растущей советской женщины не встает со страниц наших книг. Многое из того, что написано о женщине,—схематично.

Второй минус состоит в явном нарушении соотношения частей. Это значит вот что. Бесспорно наибольшего интереса заслуживает вопрос о том, как превратился пролетариат СССР в совершенно новый рабочий класс, охваченный стахановским движением, вопрос об изживании противоположности между умственным и физическим трудом. Но именно этой стороне нашей действительности советская литература уделила пока наименьшее внимание. Будем надеяться, что этот важнейший пробел будет восполнен в ближайшие два-три года. Однако для того, чтобы достигнуть здесь нужного поворота, о таком пробеле надо говорить полным голосом. Больше внимания литература наша уделила крестьянству, изживанию мелко-собственнических инстинктов, коллективизации сельского хозяйства, но опять-таки далеко не достаточно.

Но третий и главный минус состоит в том, что у нас не достигнута еще та глубина художественного изображения, которая соответствовала бы действительной глубине изменений в сознании и психологии нового, формирующегося человека. Если говорить об отставании литературы от действительности, то именно в этом качественном пункте оно наиболее сильно.

Индустриализации у нас было посвящено с десяток в общем неплохих книг, начиная с «Цемента» Гладкова. Но кто из наших писателей, выезжавших на стройки в годы первой пятилетки, показал социалистическую промышленность, как «раскрытую книгу человеческих сущностных сил», как «чувственно предлежащую пред нами человеческую психологию»?

Менее всего показал «раскрытую книгу» и «человеческую психологию» Эренбург в своем «Дне втором». Побудительные импульсы людей, отдающих свою жизнь героическому труду, описаны, как чисто шкурные. Из таких побуждений социализма не построишь. Это — явно.

В описаниях строек первой пятилетки было и у других наших авторов много изумленных восклицаний и ахания и мало настоящего знания людей рабочего класса, их меняющейся психологии, было недостаточно глубокое и интимное ощущение великого процесса превращения пролетариата в «совершенно новый, освобожденный от эксплоатации, рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества».

Несравненно успешней была работа наших писателей над колхозной тематикой. Литераторы, писавшие об ожесточенной классовой борьбе в деревне, о ликвидации кулачества, как класса, о коллективизации, об изживании собственнической психологии у крестьянства, о культурном росте и социалистическом отношении к труду, хорошо и глубоко знали свой материал. Это относится в первую очередь к Шолохову.

Монументальные литературные памятники коллективизации многое запечатлели и жизненно показали.

6

Сталинская Конституция глубоко интернациональна. В ней закреплены завоеванное в нашей стране равноправие наций и великая дружба народов.

Небывалый идейный и культурный рост народов, некогда отсталых, забитых, систематически ограбляемых царским правительством и помещиками, является одним из величайших чудес нашей социалистической родины.

За двадцать лет революции выросла большая многонациональная литература, социалистическая по содержанию, национальная по форме, выдвинувшая много ярких имен, появилось немало хороших произведений.

Один из наиболее благородных и высокоодаренных представителей национальных литератур Советского Союза, пламенный поэт и страстный борец Сулейман Стальский писал в письме к А. М. Горькому:

«Наши нищие народы только после революции вышли в люди, а до этого были забытыми и заброшенными пасынками. Я думаю, очень интересно было бы рассказать о том, как получают в наши дни и в нашей стране слепые — зрение, глухие — слух, голые — шубы, заблудившиеся — коней, мерзнущие — солнце, а старики — молодость. У нас это получается на каждом шагу, Алексей Максимович, и мне обидно, что к этому уже привыкли люди, потому что не удивляются, что это становится обычным явлением и перестает волновать поэтов».

Поразительно остро сказалось в словах Сулеймана Стальского чувство прошлого, сознание огромности дистанции, отделяющей нас от этого проклятого прошлого, гордое сознание величия пройденного пути.

Сейчас, в самый разгар предвыборной кампании, когда пришли в движение и активизировались самые широкие массы, почти неизменно во всех выступлениях проходит одна и та же глубоко волнующая наших людей мысль: кем мы были в прошлом, какая тяжкая была жизнь и как прекрасна жизнь сегодняшняя в нашей социалистической родине, как сильно мы тогда отставали и как с тех пор далеко шагнули вперед.

Сулейман Стальский в своем письме к Горькому выразил именно эту народную мысль. В национальных литературах, и особенно в национальном фольклоре, эта тема, можно сказать, является главенствующей. Непосредственно из нее вытекает и с ней переплетается другая тема: воспевание народного авангарда — коммунистической партии, ее славных героических борцов, ее великих и гениальных вождей, Ленина и Сталина.

Те же мотивы проходят и в русской поэзии, создавшей в последние годы немало песен — боевых, эпических действительно народных.

Советская литература, самая идейная, самая передовая и самая революционная в мире, является вместе с тем и самой демократической, что полностью соответствует и содержанию и духу Сталинской Конституции.

С этого единственно правильного и здорового пути нашу литературу пытались сбить троцкистско-бухаринские последыши разных мастей. Эта нечисть изгнана из литературы так же, как и отовсюду в нашей стране. Социалистический реализм и народность являются программой советской литературы.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

ДРУЖБА НАРОДОВ

Гениальный творец Великой Конституции народов СССР в своем докладе на Чрезвычайном VIII с'езде Советов имел возможность заявить перед всем миром:

«...изменился в корне облик народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы, и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства».

Эти замечательные слова о великом возрождении миллионов людей, ранее порабощенных и угнетенных, о подлинном братстве народов — не декларация, а живая действительность.

Нет возможности в кратком очерке охватить взором всю эту действительность, новую судьбу и быт освобожденных народов СССР, и ограничимся поэтому лишь отдельными небольшими иллюстрациями.

I

Заглянем, например, в Дагестанскую Автономную Советскую Республику.

Вот лежит на горном отроге старый аварский аул Чох. Над саклями аула — синее небо, в котором не слышно гудения самолетов. Это дореволюционный аул. В нем живут кулаки-овцеводы. Их одиннадцать человек, и у каждого по 3000 овец. Здесь же живет один заводчик, владелец двух типографий в городе Темир-Хан-Шуре. Тринадцать торговцев торгуют залежалыми товарами, — горец все равно хорошего не купит, денег у него нет. А богатый всегда выпишет себе издалека, что ему по душе придется. Царских офицеров из горцев в ауле шестьдесят девять человек, в том числе одних полковников девять. Вы спросите, каким образом презренные в те времена инородцы могли заслужить чины и милость от царя? Ответ простой—за то, что они никогда не отказывались оружием усмирять всех недовольных царской властью, служить царю, как говорили тогда, «верой и правдой». Вера-то у них была мусульманская, русскому богу не подчиненная, и дело тут было не в защите бога, а в защите от горской бедноты собственных владений, собственных стад, собственных заводов.

Крупных чиновников в ауле шесть человек. Они тоже стараются, чтобы законы не нарушались никем, кроме них самих. Зато уж если они захотят чего-нибудь, то все законы на их стороне, а как горец придет чего-нибудь по закону добиваться, — все законы против него говорят.

Духовенства в ауле немало: двадцать попов — мулл, да еще высшего чина. Они не только в ауле служат Аллаху, но еще раз'езжают по другим аулам и у себя учат будущих попов. Все во имя пророка, во имя Магомета, и все у них выходит, что счастье будет бедняку только на том свете, а на этом только им должно быть хорошо, потому что они единственные имеют право говорить с самим Аллахом.

Из этого аула, из этих вот жителей в гражданскую войну пять человек — офицеров — ушли к Деникину, сорок человек сами организовали банды, шесть просто бежали, стали белоэмигрантами.

Школ в старом Чохе вообще не было. Были медресе, школа для детей богатых — только одна, при мечети; грамотного населения из ста человек — пятнадцать. Больниц и медицинских пунктов не было. Зато мечетей — семь, какую хочешь выбирай для молитвы.

Войдем теперь в Чох советский. Краснознаменцев в нем шесть человек, коммунистов — девяносто восемь, красных партизан — восемьдесят четыре, комсомольцев — шестьдесят, колхозников и колхозниц — 654 человека. Грамотного населения — 98 человек на сто. В школе учится 250 детей. В средние школы послал Чох 100 детей, в вузы — 14 человек, в военные школы — 9 человек. 7 зоотехников, 40 учителей, 2 врача вышли из аула.

В ауле сейчас имеются кооператив, сапожная, трикотажная и бельевая артели, ясли на 60 детей, детская площадка на 40 детей. Но зато уж функционирующих мечетей действительно нет. Да и мулл не отыщешь.

Правда, далась эта сегодняшняя культура не сразу. Шли памятные бои за советскую власть в горах. В Аракканском ущелье в могилах лежат кости горцев и бригады ленинградских курсантов, отдавших свою жизнь за свободу Дагестана.

И вот сейчас бежит по ровной дороге автомобиль, пробегает новые мосты, останавливается в селеньях, где колхозники празднуют праздник урожая. И люди веселые, и страна веселая. И даже как будто по снежным вершинам мелькает туманная улыбка сквозь ледяную бороду ледников. На остановке горец-старик обтирает машину полой овечьей шубы.

— Что делаешь? Шубы не жалко?..

— Износится — будет новая шуба, что ее беречь? Машину беречь надо...

Приходят к строителю дорог люди из далеких селений.

— Приходи к нам убивать пословицу.

— Какую пословицу?

— У нас была пословица: если идешь к нам в гости — пиши завещание. Построили дорогу — убили пословицу. Сейчас можно ехать на машине туда, куда и пешком было не пройти.

Жил в Дагестане знаменитый народный ашуг Сулейман. В старое время за то, что нападал он на начальство, бога не любил, о муллах нехорошо пел в песнях, плохо ему жилось, и ожил он только тогда, когда взвилось над аулом красное знамя.

Весь Советский Союз услышал голос Сулеймана Стальского, и до самой своей смерти воспевал старый орденоносный ашуг радость новой жизни. Певец народного горя стал певцом народной радости. Так меняются времена.

II

Народный поэт Осетии Коста Хетагуров написал давно следующее стихотворение. Сидит в бедной сакле в горном селении осетинка-вдова и с нею дети маленькие. Сидят они у котла, в котором варится похлебка на ужин. Несколько дней уж не ели дети и ждут не дождутся, когда вскипит похлебка. А мать все помешивает в котле ложкой и все говорит, что похлебка не готова. А детей от голода ко сну клонит. И засыпают они один за другим, и мать, плача, укрывает их рваным войлоком. Никакой похлебки в котле нет. Там вода и камни. Насыпала мать мелких камней, чтобы обмануть детей...

Так жилось бедным в Осетии в старые времена. Пришел я в селение Нар, на родину Коста Хетагурова, на праздник в его честь. Он умер давно, но в юбилейный день вспомнил советский осетинский народ своего поэта и стихи его. Не было в этот день в селении такой сакли, где бы мать варила своим детям каменную похлебку. Пироги, мясо и овощи завалили все столы, и пировало сразу несколько сот гостей со всех концов Осетии, приехавших на свежих колхозных конях в одиночку и целой толпой с флагами.

III

Как пытались контрреволюционные правительства, пришедшие к власти после падения царизма, разрешать национальные вопросы?

Одно время в Грузии завладели властью меньшевики. В Юго-Осетии, соседней с Грузией, население провозгласило советскую власть и послало Ленину приветственную телеграмму с сообщением о присоединении к Советской России. Как же отнеслись к этому меньшевики Грузии? Они сейчас же послали против беззащитных сел войска, пушки и даже самолет, вытребованный начальником меньшевистских войск, как он выразился, для воодушевления своих солдат. Солдаты получили приказ поголовно уничтожить осетин. И они действительно стали убивать всех, кто не успел убежать. Население поднялось с родных мест и пряталось по недоступным скалам в горах, двигалось к перевалам, чтобы навсегда оставить страну. Оставленные дома меньшевики поджигали, и вся Юго-Осетия запылала. Рушились в пламени старые селения, а начальник меньшевистского войска Джугели стоял ночью на горе, смотрел на окружающие ее факелы пожарищ окрестных сел и наслаждался картиной. Он записал в своем дневнике: «Горят, горят дома. Бегут осетины в горы на снеговые вершины. Там им будет холодно, очень холодно, а здесь такая феерическая красота. Я начинаю понимать Нерона и великий пожар Рима». Вот как палач Джугели любовался гибелью целой страны.

Так меньшевики разрешали национальный вопрос. Страшно и просто.

Возьмем мы наши союзные республики, например, Узбекистан и Таджикистан. При старом режиме входили они отчасти во владения эмира бухарского. Сидел во дворце толстый, ленивый, глупый и хитрый эмир, закутанный в десять шелковых халатов. Про него, хоть он и считался почти самостоятельным царьком, говорил русский губернатор в Ташкенте: «Самый исправный у меня начальник уезда в Туркестане — это эмир бухарский».

Почему же русский губернатор ставил этого царька наравне с полицейским приставом? Дело в том, что этот царек, как никто, гораздо беспощадней любого пристава умел угнетать народ.

Он придумал такие порядки, что лошади при нем жилось легче, чем человеку. Жившие в Бухаре евреи не смели ездить верхом и если, сидя верхом на осле, встречались с пешим узбеком, то обязаны были сойти с осла и итти пешком. Хорошей одежды они также не имели права носить, им также не полагалось поясов. Подпоясываться должны они были простой веревкой. Каждый новый год делегация самых почетных евреев обязана была с подарками поздравлять эмира, а он, приподымаясь с трона, бил их по щекам. Это называлось церемонией из'явления покорности.

Не лучше евреев жилось и трудящимся узбекам и таджикам. Налогов эмир придумал столько, что только воздух не был обложен налогом. А так шагу без налога ступить было нельзя.

Хочешь мост перейти — налог плати. Хочешь вброд переправить груз — налог. Сад фруктовый имеешь — налог. Стадо есть — налог. Огород — с огорода давай налог. За каждого верблюда, за каждую овцу, за каждого ишака, за каждую лошадь — отдельный налог. Вьюк привез на базар — плати налог. Взвешивать груз хочешь — налог. Налогом облагалась вода — и та, что течет в реке, и та, что продается в кувшине на базаре. И даже кувшин, в котором она продавалась, был обложен налогом.

Ну, а если много будешь разговаривать по случаю налогов, — сейчас же схватят, отлупцуют камчой-нагайкой, в цепи закуют и спустят в подземную тюрьму, так называемую зиндан. Недаром на воротах дворца эмира, как некий герб Бухарской страны, висела огромная нагайка. Смотри, значит, и помни, чем тебе грозит ослушанье.

IV

Два слова еще об одной орденоносной республике, о Кабардино-Балкарии.

В четырех ущельях, ведущих к ледяному, главному Кавказскому хребту, в нагорных долинах и на плоскости живут два маленьких народа — кабардинцы и балкарцы. Жили при царе они плохо, как и все, кто был во власти князей и чиновников. Великий Октябрь освободил и эти народы. Поистине великие творческие силы обнаруживает человек, когда он свободен, и лучшее доказательство этому — неслыханный быстрый расцвет социалистической Кабардино-Балкарии.

Вы едете ночью по Баксанскому ущелью и любуетесь опоясывающими его золотыми нитями огней. Это горят электрические лампочки в диких когда-то аулах. Автомобиль бежит по широкой дороге. Ведет его шофер-балкарец.

Вы подымаетесь на высокие нагорья, где лежат пастбища, висящие между снежных гор. Там, где раньше с трудом можно было проехать на арбе, там вы застаете несколько тысяч человек, прибывших на праздник животноводства. Расставлены палатки, люди пируют за столами, уставленными неисчислимыми явствами, богатыми дарами их колхозов. Восьмидесятилетние старики показывают молодым свою удаль в танцах, изумительные кони проносятся, состязаясь на площадке перед палатками.

На выставке премированного скота на цепях держат коров и быков горянки в белых передниках, в цветах и лентах. Поют песни и стреляют из ружей меткие стрелки.

По дорогам долины стоят павильоны, легкие и красивые, где путники могут бесплатно закусить и выпить молока и айрану.

Над страной возвышается огромный снежный Эльбрус. На эту гору до революции подымались только одиночки, специалисты горного спорта, или богатые и праздные люди, шедшие туда в поисках сильных ощущений.

Теперь на Эльбрус идут ежегодно советские альпинисты.

Эльбрус — это много хлеба.

Эльбрус — это много культуры.

Эльбрус — это много счастья в колхозах.

Эльбрус зажиточной жизни — это цветущая Кабардино-Балкария.

Да здравствует Эльбрус всего человечества — Великий Сталин!

Вы будете голосовать!

Вечером к нам пришли школьники. Несколько юношей и девушек.

— Может быть, мы можем вам чем-нибудь помочь?

— Конечно.

Нам нужно изготовить 3000 приглашений. Мы призываем наших избирателей посетить комиссию и проверить, правильно ли они занесены в список. Приглашения отпечатаны. Но нужно вписать имена. Три тысячи имен, отчеств и фамилий.

Школьники принимаются за работу. Они пишут, склонив над столом славные молодые лица.

Через час, набив карманы этими повестками, я отправляюсь разносить их по квартирам. Я хочу сделать это сам. Отдавая бумажку, я подкреплю ее устным приглашением. Кроме того, всегда есть вопросы. Приезды и от'езды, выздоровления и заболевания, браки и переселения, — все это вызывает вопросы. Жизнь всегда меняется. Но избирательный закон предусмотрителен и обширен, как жизнь.

Кроме того я признаюсь, что мне просто интересно обойти сто квартир, увидеть сто укладов, сто характеров.

Я об'ясняю цель своего прихода. Всюду меня встречают хорошо. То обстоятельство, что член избирательной комиссии сам пришел к избирателю, необычайно приятно людям. Больше того, это их трогает. Ни разу я не был встречен холодно.

Большинство жильцов этого дома — молодые рабочие. Меня удивили их руки. Они наманикюрены. Ногти блистают лаком. Чуть было я не построил фантастическую гипотезу о фатовстве нового поколения мужчин. Но во-время вспомнил, что это — рабочие хлебозавода, пищевики, и лакированные ногти для них обязательны, как прозодежда.

Много вопросов:

— Успею ли я голосовать? Я в вечерней смене.

— Я буду 12 декабря в поезде.

— Мой отец в санатории. Должен ли он вернуться?

Никто не хочет пропустить своего права голосовать. И я об'ясняю, что это право обеспечено всем и везде — и днем, и ночью, и в другом городе, и в санатории, и даже в поезде...

...Обход квартир вызывает усиленный приток избирателей в комиссию. Люди проверяют себя в списках. Случаются ошибки: неточности в именах, иногда пропуски. Тут же пишут заявления с требованием исправить ошибку.

Ночью я отвожу эти заявления в районный совет. Президиум заседает каждую ночь.

Райсовет похож на полевой штаб.

Дежурный, не уставая, отвечает:

— Да, да, ваше заявление рассмотрено. Ошибка исправлена. Вы можете не беспокоиться. Вы будете голосовать.

Л. СЛАВИН

Голосуем за коммунизм!

Михаил Иванович Калинин в недавнем своем выступлении сказал, что было время, когда известная часть интеллигенции считала коммунизм доктриной, а людей, защищавших и проводивших в жизнь идею коммунизма, считала фантазерами.

В настоящее время, после 20 лет существования Советского Союза, для каждого советского гражданина, для всего советского народа и для его интеллигенции коммунизм — это не доктрина, а определенная цель, об'единяющая всех нас.

Глубоко прав товарищ Калинин! Для нас, работников театра, как части советской интеллигенции, коммунизм также не является доктриной, ибо, живя в социалистическом обществе, мы уже стоим у порога коммунизма. Вот почему, голосуя 12 декабря за лучших людей нашей страны, воспитанных партией Ленина — Сталина, мы тем самым будем голосовать за коммунизм. Голосуя за лучших из лучших партийных и непартийных большевиков, мы тем самым будем голосовать за нашу партию в целом, которая этих людей воспитала.

Голосуя за лучших людей, мы будем голосовать за того, кто дал нам радость, счастье, свободное творчество, — мы будем голосовать за Иосифа Виссарионовича Сталина.

Народная артистка СССР А. А. ЯБЛОЧКИНА.

А. Н. ТОЛСТОЙ В СТАРОРУССКИХ КОЛХОЗАХ

По телеграфу от нашего специального корреспондента

В Старой Руссе А. Н. Толстой получил телеграммы и письма из всех районов округа: избиратели приглашали своего кандидата приехать к ним — в колхозы, в поселки и города. Приглашений оказалось столько, что пришлось составить расписание — по дням и часам. Но уже в колхозе «Красный бор» — в 20 километрах от ст. Лычково — наш «график» был «сломлен»...

После предвыборного собрания колхозники окружили писателя:

— Просим тебя, Алексей Николаевич, посмотреть на богатства колхозные...

И пошли они с гостем по амбарам, по конюшням, по скотным дворам. А в амбарах и конюшнях было на что поглядеть!

Машина мчалась по шоссе, ведущему к Демьянску—небольшому районному городку, стоящему вдали от железной дороги. Но в селе Лужно, вдоль шоссе, выстроились колхозники, со знаменами и плакатами, как на празничных демонстрациях. Среди них было много знаменитых лужненских мастериц художественной строчки, прославивших свое село на всю страну. Они настояли, чтобы А. Н. Толстой посмотрел их новые работы. В артельной мастерской висела доска с вырезками из «Литературной газеты» — материалы о Толстом, и рядом — листки из тетради, исписанные крупными буквами — то были высказывания колхозниц о своем кандидате.

В Демьянск мы приехали уже вечером, перед самым открытием районного собрания. Но и на демьянских улицах нам пришлось задержаться. Сотни школьников встретили А. Н. Толстого.

— На собрание детей не пустят, — сказали они, — расскажите нам до собрания об испанских пионерах.

А. Н. Толстой посетил четыре района Старорусского избирательного округа: Старорусский, Лычковский, Демьянский, Валдайский. Он выступал на предвыборных собраниях, беседовал с колхозниками. И каждая новая встреча приносила новые радости, новые открытия, новые факты, иллюстрирующие величайшие перемены, происшедшие в нашей стране.

В рабочем поселке Парфино А. Н. Толстой осматривал новые дома, школу, Дом культуры.

— Все это, — с гордостью сказала стахановка Анастасия Захарова, — и Дом культуры, и детский сад, и школа, и дома наши, все это выстроено в годы сталинских пятилеток. А до советской власти весь парфинский поселок состоял из двух грязных бараков, в них жили угрюмые и озлобленные рабочие, работали они за гроши с утра до поздней ночи, а по праздникам шли в соседние деревни — драться с мужиками. Кто мог подумать тогда, что здесь, в парфинском поселке, мы будем избирать нашим депутатом в Верховный Совет свободной советской страны знаменитого писателя, одного из лучших художников земли русской...

В поселке Лычково стояло восемнадцать домов, шестнадцать из них были... кабаками! Сейчас в Лычково две библиотеки. Десятки людей — учителей, колхозников, рабочих — приносили к А. Н. Толстому томики «Петра» и «Детство Никиты». «Напишите Алексей Николаевич несколько слов — дорогой памятью будет». Здесь, в Лычково, колхозники рассказывали писателю о своих впечатлениях от фильма «Петр Первый».

В Валдае была устроена выставка о Толстом.

....В Ленинград А. Н. Толстой уезжал из Едрова — села, описанного Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву». У в'езда в село была сооружена арка — на ней алели слова приветствия колхозников. Яжелбицкий колхоз, с другого конца района, прислал в Едрово своих представителей — прекрасный колхозный хор приветствовал А. Н. Толстого. С огромным под'емом исполнил хор песню о Сталине.

Б. РЕСТ

Лычково—Демьянск—Валдай.

Дежурный член окружной избирательной комиссии Фрунзенского избирательного округа г. Ленинграда Михаил Зощенко (справа) инструктирует председателей участковых избирательных комиссий М. Зайцева и А. Волкова. (Союзфото).

ЗВЕНИГОРОДСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ОКРУГ

В своей автобиографии — письме к редактору журнала «Народное чтение» Тарас Григорьевич Шевченко писал:

«Я — сын крепостного крестьянина, Григория Шевченка. Родился в 1814 году, февраля 25, в селе Кирилловке, Звенигородского уезда, Киевской губернии, в имении одного помещика. Лишившись отца и матери на восьмом году жизни, приютился я в школе у приходского дьячка, в виде школяра-**попихача**».

«Помещику, — пишет дальше Тарас Григорьевич, — только что наследовавшему достояние отца своего, понадобился расторопный мальчик, и оборванный школяр-бродяга попал прямо в тиковую куртку, в такие же шаровары и, наконец, в комнатные казачки».

В горькой повести, показывающей Звенигородщину в прошлом столетии, каждое слово звучит как проклятие, как обвинение:

«Краткая история моей жизни, — заканчивает Тарас Григорьевич свой скорбный рассказ, — обошлась мне дороже, чем я думал. Сколько лет потерянных! И что же я купил у судьбы своими усилиями—не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумение своего прошедшего. Оно ужасно, оно тем более для меня ужасно, что мои родные братья и сестры, о которых мне тяжело было вспоминать в своем рассказе, до сих пор крепостные.

История моей жизни составляет часть истории моей родины».

Так вспоминал народный поэт Тарас Григорьевич Шевченко Звенигородщину, принадлежавшую панам-полякам и панам-украинцам, так вспоминает он старый украинский повит (уезд), где прошли его детские годы.

Такое положение на Звенигородщине сохранялось в течение целого столетия.

В 1814 году Звенигородщиной владели Потоцкий и Энгельгардт. В 1914 году, в столетнюю годовщину рождения борца-поэта, на Звенигородщине сидело 16 помещиков, владевших 20.000 десятин земли. На каждого помещика приходилось по 1.200 десятин.

28 попов имели в своем распоряжении 1.100 десятин земли.

А все крестьяне хлеборобного, богатейшего уезда Украины, десятки тысяч крестьян имели ровно столько земли, сколько было в распоряжении кучки помещиков и попов.

Помещики богатели, крестьяне страдали, потомки поэта Шевченка погибали на каторжной работе в экономиях, на свекловичных плантациях; ранней весной голодные семьи и целые деревни снимались с родных мест, уходили в Таврическую и Херсонскую губернии, искали там заработков, а поздней осенью возвращались домой голодные, усталые и обиженные.

В голоде, холоде и нищете жила Звенигородщина целое столетие.

★

Когда 13 ноября 1937 г. на трибуну взошел колхозник Сигнаевского колхоза имени Ленина 60-летний **Федор Марченко**, в зале Звенигородского районного клуба, где происходило предвыборное собрание, наступила тишина.

Федор Марченко долго не мог говорить. Он вспомнил старую Звенигородщину, вспомнил своих отцов-крепостных, он вспомнил поэта-борца, который родился на Звенигородщине, в заброшенной деревушке Кирилловке.

Перед ним в зале сидели хозяева новой Звенигородщины, новой освобожденной земли.

Нет старой, бесправной, забитой, голодной Звенигородщины. Не соха, не рало, а трактор, комбайн идут теперь просторами Звенигородщины.

Нет в районе ни одного двора, который бы не имел коровы. 33 колхоза имеют собственные автомашины, а такие колхозы-гиганты, как Кобеляцкий, Чичеркозовский, Княжанский, имени Г. И. Петровского имеют по две автомашины.

Выросли на селе новые люди — трактористы, комбайнеры, шоферы.

Во времена Тараса Шевченка в Звенигородском повите «просветителями» были дьяки и пономари, а предметами изучения являлись псалтырь и часослов. Сто лет спустя, в 1914 году, в Звенигородском повите был десяток школ. Учениками были дети кулаков, попов, местных помещиков.

Александр Евдокимович Корнейчук. Баллотируется в депутаты Совета Союза по Звенигородскому избирательному округу, Киевской области.

Сейчас в Звенигородском районе 38 школ, из них средних — 7, неполных средних — 22, начальных — 9. Вместо 1800 кулацких, поповских и помещичьих сынков в этих школах обучаются 10.800 детей колхозников и рабочих. Кроме этого в районе есть еще 6 вечерних школ, 18 школ для подростков, 30 школ для ликвидации неграмотности, 47 клубов, домов коллективиста и красных уголков, 29 библиотек, 29 читален.

45.000 книг в библиотеках района. Книга проникла в каждую хату, в каждую семью. Трудящиеся района жадно изучают произведения классиков украинской и братских литератур, они жадно изучают новую литературу, рассказывающую о нашей новой, прекрасной жизни.

В 1915 году в Звенигородском повите была одна стационарная больница и одна глазная. В 1937 году — 5 больниц, 4 амбулатории, родильный дом, женские и детские консультации, санитарная станция, малярийный пункт, 7 медицинских пунктов, 8 хат-родилен, 2 акушерских пункта, 64 детских сада.

85 проц. районного бюджета Звенигородщины идет на удовлетворение культурно-социальных потребностей трудящихся.

Это значит, что район живет полнокровной, светлой, зажиточной жизнью.

★

Все это вспомнил дед Федор Марченко, когда вышел на трибуну предвыборного окружного совещания Звенигородки. Он вспомнил старое, проклятое старое Звенигородщины, вспомнил свою тяжелую жизнь, он видел новую Звенигородщину, и потому так горячо, так искренне прозвучали его слова, обращенные ко всем трудящимся Звенигородщины.

— Когда-то, — сказал дед Марченко, — наш славный земляк, звенигородец великий народный поэт Тарас Григорьевич Шевченко, во времена крепостной неволи пел о горькой судьбе наших отцов, дедов и прадедов. Но писать ему паны не давали. Писал он тайком.

— Теперь мы вольные, счастливые и богатые. О нас беспокоятся наша большевистская партия и товарищ Сталин.

О нашей счастливой жизни пишет в своих произведениях наш украинский писатель-драматург т. А. Е. Корнейчук.

— Я, — горячо говорил дед Марченко, — как счастливый гражданин нашей страны, призываю всех трудящихся нашего избирательного округа голосовать за товарища Корнейчука. Он будет надежным нашим депутатом в Верховном Совете, таким как будто мы сами там будем присутствовать.

Зал долго не смолкал. Зал приветствовал своего кандидата.

СЕМЕН СКЛЯРЕНКО

ПРЕДВЫБОРНАЯ ХРОНИКА

В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ УЧАСТКАХ

Во многих избирательных участках Москвы к первой годовщине принятия Конституции и к выборам в Верховный Совет СССР устраиваются выставки картин. Материал для этих выставок уже рассмотрен жюри Московского союза советских художников и распределен по участкам.

В клубе имени Ленина, где помещается Сталинская окружная комиссия и 19-й избирательный участок, организована выставка документов, плакатов и фотоматериалов, посвященная жизни и деятельности великого вождя народов СССР товарища Сталина.

Выставка эта пополняется художественными произведениями: портретом Сталина (офорт) Сарры Шор, серией зарисовок мест, где родился, жил и работал товарищ Сталин, художника С. Митрофанова, картиной художника П. Д. Покаржевского «Комсомольцы идут в бой» и рядом других.

Картины крупнейших художников будут выставлены на выставках и в других избирательных участках.

В 49 избирательном участке Фрунзенского избирательного округа, по которому баллотируется в Верховный Совет СССР народный артист Союза И. М. Москвин, будет развернута выставка эскизов к театральным постановкам. На выставке — эскизы декораций к «Тихому Дону» Федоровского, эскизы костюмов к «Сказке о царе Салтане».

★

Жены писателей, живущие в доме союза писателей (Лаврушинский переулок) создали бригаду для помощи 8-му избирательному участку Ленинского избирательного округа. В бригаде 20 человек. Члены бригады ежедневно дежурят в своем избирательном участке, помогая в текущей работе. При активном участии жен писателей участок выпускает стенную газету.

В день выборов, 12 декабря, в 8 избирательном участке жены писателей организуют комнаты матери и ребенка. С 6 часов утра до 12-ти ночи жены писателей будут нести дежурство в этих комнатах.

Жены писателей, живущие в других домах ССП, работают в своих избирательных участках в индивидуальном порядке.

★

Комиссия шестого избирательного участка Свердловского избирательного округа состоит почти целиком из работников Большого академического ордена Ленина театра.

Членами избирательных комиссий являются заслуженные артистки Е. Катульская и В. Давыдова, орденоносец артистка хора Эйбоженко, артисты Черкасова и Лукахин.

Вокруг участка группируется сильный актив пропагандистов, организаторов и агитаторов. Артисты ГАБТ принимают деятельное участие в проверке списков избирателей.

★

Весь коллектив Малого академического ордена Ленина театра с энтузиазмом включился в выборную кампанию. Перед каждым спектаклем и в антрактах актеры читают стихотворения, посвященные выборам.

★

Народная артистка РСФСР т. Е. Гоголева, заслуженный артист т. Рыжов, заслуженная артистка т. Фадеева, орденоносец артист т. Уралов — активнейшие участники избирательной комиссии.

Народная артистка РСФСР Е. Турчанинова — доверенная на 28-м избирательном участке. Народная артистка В. Пашенная — член окружной избирательной комиссии. Народный артист СССР — П. М. Садовский регулярно выступает по радио.

★

Артисты МХАТ, заслуженный артист республики М. Прудкин и народный артист СССР Н. Хмелев — члены избирательной комиссии. Весь остальной коллектив театра ведет художественную агитацию среди избирателей, участвуя в специально организуемых собраниях и концертах в клубе им. Каляева.

В помещении филиала театра происходят предвыборные окружные собрания. Коллектив театра активно включился в проведение предвыборной массово-агитационной работы.

★

Еврейские писатели активно работают в избирательной кампании. Группы еврейских писателей совершили длительные поездки в колхозы еврейских национальных районов.

На еврейском языке создана значительная литература—стихи, очерки и статьи, посвященные выборам в Верховный Совет СССР.

Илья Ильф, Евгений Петров

ТОНЯ*

Обычно во время полпредских приемов, на которые приглашались представители искусства, науки и промышленности, шифровальщик Костя Говорков с непривычки чувствовал себя очень стесненным. Он стоял в смокинге где-нибудь подальше, с напряженным видом отпивая коктейль из бокала и до тошноты накуриваясь сигаретами «Тройка». Но однажды Костя вдруг осмелел и вступил в разговор с толстым, очень симпатичным американцем. Костя с удовольствием заметил, что уже довольно свободно говорит по-английски. Нехватало только темы, не о чем, собственно, было говорить с этим американцем. Тут Косте вдруг посчастливилось. Он вспомнил свои вечные простуды и стал жаловаться на вашингтонский климат.

— О, — сказал американец, — вы молодой человек. У вас этого не должно быть. Все простуды происходят от гланд. Их надо немедленно удалить. Поверьте моему опыту, мистер...

— Говорков.

— Мистер Говорков. Я позволю себе, мистер Говорков, рекомендовать вам своего врача. Он очень опытный человек и вырежет ваши гланды так, что вы этого и не почувствуете. Вам даже будет приятно.

Костя поблагодарил обязательного толстяка. После этого американец вытащил блокнот и что-то записал.

Потом беседа потекла как-то сама собой. Выпили несколько коктейлей и расстались очень довольные друг другом. Придя домой, Костя хвастался своими успехами в языке и светском обращении.

— Всему понемножку научаемся, — говорил он Тоне, — осваиваем и эту область.

Утром Говоркова позвали в канцелярию к телефону, и незнакомый голос сообщил, что говорит секретарь мистера Саммерфилда.

— Слушаю, — с удивлением сказал Костя.

— Вы вчера имели беседу с мистером Саммерфилдом относительно доктора. Доктор с удовольствием приехал бы к вам, но так как удаление гланд все-таки операция, хотя и маленькая, то доктор просит вас заехать к нему сегодня в пять часов дня.

Косте очень понравилась эта чисто американская акуратность, и он просил передать мистеру Саммерфилду чувство живейшей благодарности.

В половине пятого, никому не сказавшись и попросив для шика у завхоза самый большой полпредский автомобиль, Костя поехал по записанному им адресу.

Доктор очень понравился Косте. Во-первых, он абсолютно не походил на доктора. Это был элегантно одетый господин с модными черными усиками и пробором посредине головы. У него были длинные, худые и нервные пальцы крупье. С круглым зеркалом на лбу он был невероятно красив и обаятелен.

Благожелательно похлопав Костю по плечу, доктор надел халат с перламутровыми пуговицами, посмотрел Костино горло и сказал, что лучше всего было бы гланды удалить, хотя вообще-то говоря можно жить и с гландами. Но Костя с горячностью, которой сам от себя не ожидал, заявил, что согласен с гландами расстаться. Уж очень ему надоели простуды.

Тотчас же в комнате появились ассистент и сестра милосердия, и доктор молниеносно вырезал мистеру Говоркову гланды электрическими щипцами. Нето чтоб это было приятно, как утверждал мистер Саммерфилд, но, во всяком случае, не слишком больно.

Тоня жалела Костю. Один день он лежал в постели, хотя чувствовал себя прекрасно. Лежал и питался только мороженым. Все-таки это было событие. Тоня читала ему вслух газеты, и оба были счастливы.

Через неделю на имя мистера Говоркова пришел в канцелярию пакет. Это был счет от доктора. Взглянув на него, Костя ничего не понял. Счет был на двести долларов.

— Тут какая-то ошибка, — сказал он Тоне и пошел к Марье Власьевне узнать, что бы это могло значить.

— Конечно, какая-то чепуха, — сказала Марья Власьевна, — удаление гланд стоит долларов двадцать пять, не больше. Тут, наверно, написано двадцать долларов, а лишний нуль попал по ошибке.

— Да и это дорого, — возмущался Костя, — это же громадная сумма, двадцать долларов! Ну, я еще понимаю четыре доллара или пять!

— Позвольте, позвольте,—сказала Марья Власьевна, надевая пенснэ и снова рассматривая счет. — Вы у кого были? Как? Доктор Пичинелли? Кто вас к нему направил? Алексей Дмитриевич, зайди к нам на минутку. Тут прямо беда случилась с товарищем Говорковым.

В комнату вошел советник. Он взял в руки счет и с недоумением посмотрел на Костю.

— Слушайте, Говорков, какой дурак послал вас к Пичинелли?

— Вовсе не дурак, — обиделся Костя за своего нового друга, — а мистер Саммерфилд.

— Ну, знаете, — сказал советник, — вы бы хоть спросили кого-нибудь, посоветовались.

— А что тут советоваться? — сказал Костя. — Это же пустяки, какая-то гланда.

— Гланда-то пустяки, а важно здесь, что доктор Пичинелли лечит очень богатых людей. А вы еще попали к нему по рекомендации Саммерфилда, миллионера. Естественно, что он и вас считает миллионером.

— А я еще приехал к нему на «Кадилаке», — пробормотал Костя.

— Вы бы к нему еще на «Ройсе» приехали, — воскликнул советник. — Придется вам заплатить двести долларов.

— Как двести? Марья Власьевна говорила — двадцать?

— Возможно, что эта операция стоит только двадцать долларов, но Пичинелли берет за нее двести.

— Не буду я платить! — закричал вдруг Костя. — Это абсурд!

— Да, — сказал советник, — получается поганое дело. Но придется заплатить. Тут никаких разговоров не может быть.

— Это грабеж! — простонал Костя. — Да ведь если в Москве рассказать — не поверят.

— Конечно, не поверят. Вы там все в Москве привыкли лечиться бесплатно. Но здесь нет советской власти. Это Америка. Будете знать на практике, что такое капитализм.

Доктор Пичинелли произвел в бюджете Говорковых страшные разрушения. Чтобы ему заплатить, пришлось отказаться от зимних пальто, от коляски и чудной кроватки, которую Тоня уже присмотрела для ожидаемого младенца в детском магазине. Кроме того, пришлось еще взять авансом в счет жалованья восемьдесят долларов. Это была настоящая катастрофа.

Как Тоня ни утешала Костю, сознание того, что он совершил непоправимую глупость, заставляло его страдать. В светлой комнатке Говорковых сделалось грустно. Вместо замечательной кроватки стояла самая обыкновенная люлька, какую покупают для своих младенцев бедные негритянки.

Денег не было ни копейки, а главное еще только надвигалось. Тоня готовилась рожать.

И опять все было так непохоже на Москву, что Костя иногда даже хватался за голову. Почему в Москве все происходило как-то просто, даже думать об этом не надо было. Подходит время — и рожаешь. И все бесплатно.

И вообще в представлении Кости роды и болезнь никогда не были связаны с деньгами. Ну, рожаешь, ну, болеешь. Кто-то за все это платит. Кажется, соцстрах. Костя никогда об этом не думал.

— Я отказываюсь рожать в подобной обстановке! — запальчиво воскликнула Тоня.

— У нас на службе рожала одна сотрудница, — сказал Костя. — Что-то три или четыре месяца гуляла. С сохранением содержания.

Молоденькие супруги, которые еще очень мало знали жизнь, сейчас сидели притаившись в своей комнате и вспоминали Москву. Как же это раньше они не ценили, не думали даже об этом! Они жили, ничего не замечая, все принимая как должное, как что-то естественное, что полагается людям. Не может не полагаться. А здесь за все надо платить.

После трагической истории с гландами Костя сделался осторожным. Он все узнал наперед. Но от этого ему не стало легче. Хотя Говорковы и выбрали недорогую лечебницу, все-таки платить надо было много. В счет ставили и предварительную консультацию, и отдельную сиделку, и отдельно сестру, и доктора, и лекарства, ну, одним словом, все.

Когда Костя, очень тревожившийся за Тоню, заикнулся было о том, что не плохо пригласить хоть один раз профессора, ему назвали такую сумму, что он злобно пробормотал себе под нос:

— Нет, профессор пусть Моргана лечит. Да и детей пусть рожает миссис Морган. Я вижу, что тут это удовольствие не для пролетариата!

Тоня, которая с пионерских лет понимала, что такое капитализм, и не раз делала о нем маленькие докладики в школе и на фабрике, вдруг столкнулась с ним в жизни. И, представьте себе, она страшно рассердилась. Капиталистическая система мешала ей жить. Хотя ей вредно было волноваться, она каждый вечер взволнованно ругала эту систему.

— Почему вы сердитесь? — говорила ей Марья Власьевна. — Мы живем за границей десять лет. Мы уже привыкли.

Теперь Тоне уже ничто не нравилось. Не нравилось даже то, что совсем недавно казалось ей удобным и красивым. Ей не нравились прекрасные улицы, превосходные магазины, автомобили.

— Ну, да, — говорила она со страстностью, которой в свое время ей так нехватало на докладах в политкружке, — это все для богатых. А что для бедных? Вы мне скажите, что для бедных, если даже мы с Костей, люди, обеспеченные постоянным заработком, с трудом можем свести концы с концами? А рожать мы не можем.

— При таких условиях мы не можем рожать! — подтверждал Костя.

— Я уеду рожать в Москву, — говорила Тоня со слезами. — Честное слово! Вот увидите!

Но никуда она не поехала. Ребенок, мальчик, родился все-таки в Вашингтоне, и совершенно разоренные, погрязшие в долгах, Говорковы безмерно радовались.

Время пошло незаметно. Постепенно затянулись бюджетные раны, нанесенные доктором Пичинелли и администрацией родильного дома. Но только через десять месяцев, когда Вовка уже выучился стоять и, как веселая обезьянка в клетке, тряс прутья своей усовершенствованной колыбели, бюджет Говорковых пришел в равновесие.

Летом выехать с Вовкой на дачу все-таки не удалось — оказалось дорого. Костя то уверял Тоню, что Вашингтон сам по себе дача и ехать никуда не надо, то вдруг начинал сердито бормотать, что, мол, пусть Морган едет на дачу, нюхает там чистый воздух, а они уж как-нибудь проведут душное лето в этом симпатичном городе, где двести пятьдесят тысяч автомобилей без перерыва наполняют воздух бензиновыми испарениями.

Это было тяжелое лето, и Тоня на целые дни уносила Вовку в прекрасный парк по другую сторону реки Потомак. И сидела там среди негритянских нянь, которые баюкали белых младенцев.

Осенью пришло толстое письмо от Кили и Клавы — старых подружек, которые так завидовали Тоне, когда она уезжала в Америку. Из конверта выпали газетная вырезка и любительская фотография размером в открытку. На фотографии была изображена Киля в красивом ситцевом сарафане, как видно, исполняющая русскую народную пляску. В поднятой руке она кокетливо держала платочек. Рядом с ней, в сапогах и косоворотке, стоял красавец, в котором Тоня не без волнения узнала Петра Передышкина с завода № 21. Судя по остолбенелым взглядам танцоров, фотограф-любитель заставил их сидеть не двигаясь по крайней мере десять секунд.

«Здравствуй, Тоня», писали подруги, — «почему от тебя так долго ничего не слышно? Мы так и знали, что ты про нас забудешь в своей Америке. Но мы тебя вчера вспоминали и все-таки решили написать. У нас нет ничего нового, живем как жили, без особенных интересов. Ты, наверно, читала в американских газетах, что в Москве открылся Театр народного творчества. У нас на фабрике еще весной образовался самодеятельный коллектив, и на прошлой неделе он выступал в этом театре. Исполнили «Русскую», а на бис «Казачка». Страшно было, просто ужас. И Киля танцовала соло с т. Передышкиным, которого ты, конечно, узнаешь на фотографии. А так ничего нового нет, только я, Клава, вышла замуж за композитора, который руководит у нас музкружком. Его фамилия Миша Григорьев, но подписывается он под своими произведениями Иван Лесной. Но он еще пока кандидат в члены союза композиторов. Но его обязательно примут, так как он пишет симфонию из моей жизни. Он сказал мне, что я представляю тип новой женщины. Вообще, он очень веселый и все время всех разыгрывает. И я его люблю довольно сильно. В общем, как видишь, ничего особенно у нас не происходит. В августе мы вдвоем поехали с экскурсией ОПТЭ в Крым. Облазили весь Южный берег и подымались на Ай-Петри. Такой там ветер был на вершине, ужас! Но восход солнца действительно мировой. Мы были очень довольны, что побывали на Ай-Петри. Нашу фабрику переводят в новый корпус, потому что вся эта улица сносится совсем, и совершенно правильно. Одна грязь была. Теперь, когда ты приедешь, то даже не найдешь тех мест, где прошла наша молодость. Уже мы все взрослые. Киле уже девятнадцать лет, а мне скоро исполнится восемнадцать. Просто ужас! По этому случаю у нас намечается большая вечорка. Жаль, тебя не будет. Жаль, что мы еще не видели твоего Вову. Он, наверно, красивый мальчик, и мы шлем ему сердечный привет. Тонечка, ты веселись, веселись, но все-таки нас не забывай. Твои К. и К.

Да, вырезку, пожалуйста, нам верни. У нас есть только один экземпляр. Твои К. и К.».

Вырезка была сильно истрепана и, как видно, побывала во многих руках. Синим карандашом были обведены строчки:

«Коллектив 1-й расфасовочной фабрики блеснул виртуозно исполненной русской пляской. Стахановка Калерия Коршунова совместно с т. Передышкиным (завод № 21) обнаружили яркий, красочный талант и имели заслуженный шумный успех. Так в недрах народа выковываются новые свежие яркие красочные таланты».

Тоня не выдержала и зарыдала, густо и страстно, как цыганка.

* Отрывок из последней совместной работы И. Ильфа и Е. Петрова. Целиком рассказ будет напечатан в декабрьской книжке журнала «Знамя».

Споры, в которых не рождается истина

Мы не склонны рассматривать спор о поэзии, недавно имевший место между некоторыми критиками и некоторыми поэтами, как положительное явление в нашей литературной жизни.

В этом споре все было ложно: и основное утверждение Е. Усиевич о том, что «политическая поэзия явно хиреет», и попытки некоторых поэтов в своем лице продемонстрировать ее бурный рост, и методы, какими велась полемика, и самый ее тон.

Нет, этот спор не мог бы понравиться человеку, любящему поэзию, ибо собственно о поэзии обе стороны говорили в сущности мало. Да и не могло быть иначе. Ведь сыр-бор загорелся в сущности из-за того, что поэты сочли критическую деятельность Е. Усиевич вредной. Но для доказательства этого утверждения, пожалуй, оказалось бы достаточно одной статьи, в которой эта деятельность была бы подвергнута детальному и всестороннему рассмотрению. Вместо этого добрых два десятка истомленных полемическим жаром поэтов соединили свои голоса, чтобы перекричать не слишком зычный голос одного критика. Впрочем, в ходе полемики выяснилось, что и Е. Усиевич не совсем одинока. Неожиданно появились и заговорили в ее защиту люди, доселе поэзией не интересовавшиеся. И надо сказать, что речи этих защитников Е. Усиевич против воли привели нам на память воинственный клич — «бьют мальчика с нашей улицы»,— с которым некогда бросались в атаку лица, далеко не достигшие призывного возраста и мало задумывавшиеся над проблемами политической поэзии.

Скажем прямо

Не к лицу этот клич товарищам из «Литературного критика», которым надлежит думать о том, чтобы сделать свой журнал боевым органом советской литературы, а не убежищем группки покрывающих друг друга людей. Тем более, что в групповой своей кутерьме они начинают забывать о главном — о литературе.

Словом, разгорелась настоящая групповая борьба.

Стан поэтов, правда, представлял собой довольно пестрое созвездие лиц и имен, но в центре туманности вполне зримо наметилось плотное ядро с весьма знакомыми слушателям очертаниями.

Борьба велась по всем правилам групповой тактики. Были здесь и обходные движения с фланга, когда формулировки противника путем несложной манипуляции видоизменялись и обращались против него самого, и прорывы укрепленной полосы с характерным для этого вида войны ожесточением и грохотом, и дипломатия, и временные наступательные и оборонительные союзы, и многие другие, не менее замечательные боевые мероприятия. И уже над головами слегка очумелых бойцов той и другой стороны замелькали орудия, сильно смахивающие на рапповские инструменты «убеждения» — то щит с наспех замазанным девизом, то кувалда с присохшими к ней волосами какого-то «союзника» или «врага», то большой кистень с инвентарным номером редакции «На литпосту».

Между тем истина, которой бы надлежало родиться в правильно ведущемся споре — все не рождалась.

Е. Усиевич, в достаточной мере злорадно рассмотревшая в своей статье неудачи десятка поэтов и на этом основании провозгласившая свой мрачный диагноз, предложила весьма нехитрое об'яснение причин болезни, поразившей организм «политической поэзии» последнего времени. Она пишет: «Отгораживание особого участка для «политической поэзии» неизбежно вредит не только развитию всей поэзии в целом, но и снижает творчество тех поэтов, которые хотят сделать «политический жанр» своей особой специальностью». Вот в чем, по ее мнению, главная причина всех бед.

Не вдаваясь в рассмотрение этого поистине проникновенного утверждения, установим, каковы были возражения, с которыми выступили против статьи Е. Усиевич поэты.

Вкратце эти возражения таковы:

Усиевич своей статьей продолжает вредительскую линию иезуитского доклада Бухарина на с'езде писателей.

Усиевич, сегодня провозглашающая единственными поэтами революции Маяковского и Демьяна Бедного, вчера расточала хвалы Смелякову и Павлу Васильеву и призывала поэтов к борьбе за овладение жанром «интимной лирики», что заставляет усомниться в истинности ее сегодняшних утверждений.

Усиевич в недавном прошлом некритически относилась к писаниям конструктивистов и, наконец,

Усиевич не любит и не понимает поэзии.

Разумеется Е. Усиевич неправа, когда она на материале неуклюже препарированного ею десятка скверных стихотворений строит вывод об упадке советской поэзии, разумеется ее апология Смелякова и Павла Васильева вкупе с защитой «интимной лирики» делает подозрительным ее внезапное увлечение стихами Маяковского и Демьяна Бедного, разумеется ее блок с конструктивистами не свидетельствует о принципиальности ее литературно-политической линии, а статьи ее о поэзии не согреты подлинной любовью к литературе и не освещены проникновенным ее пониманием.

Но этого, очевидно, недостаточно для обвинения Е. Усиевич в прямом вредительстве и для превращения ее в сообщницу подлого врага народа Бухарина.

Это верно, что статья Е. Усиевич политически вредна и не содействует росту нашей поэзии, а ее сопоставление нынешних поэтов, пишущих для газеты, с Маяковским клонится не к тому, чтобы подтянуть их к уровню Маяковского, а к тому, чтобы ударить их Маяковским.

Но ведь, повторяем, опровергнуть ее статью можно было одной ответной статьей, а подкрепить опровержение десятком хороших стихотворений. И было бы это куда более убедительно, чем страшный крик, который подняли поэты, полагающие, что, по их собственному утверждению — абзац в статье Усиевич может их уничтожить. Это явная чепуха. Вычеркнуть поэта из литературы могут лишь его собственные плохие стихи. Никакому критику стать между читателем и хорошей книгой так, чтобы заслонить ее от читателя, никогда не удавалось и не удается. Ведь даже Писареву, написавшему некогда яростную статью о «Евгении Онегине», не удалось «поколебать треножник». Конечно, Джек Алтаузен не Пушкин — это следует сказать со всей прямотой. Но ведь и Усиевич не Писарев. Так что соотношение сил в сущности не меняется.

Поэтому нам непонятны усилия, которые прилагают поэты, чтобы не быть «уничтоженными». Тем более, что направлены эти усилия в совершенно непонятном нам направлении.

Мы всегда полагали, что если существуют в литературе посредственные поэты «а», «б» и «в», то от сложения их не возникает новая литературная величина, которая будет сильнее каждого из них в отдельности. И если даже прибавить к ним еще одного талантливого поэта, то и это не поможет трем первым, а четвертому повредит. Потому что арифметика эта групповщинная, неверная, вредная.

Мы думаем также, что не в меру резвая деятельность, которую проявляют некоторые из участников «спора о политической поэзии» — деятельность попросту рекламная, построенная на убеждении: «чем чаще появляется в прессе моя фамилия, тем лучше мне будет». И мы уверены, что расчет этот неверен. Ибо реклама достигает цели лишь тогда, когда рекламируемый товар хорош. В противном же случае реклама лишь раздражает.

Нет, литературные репутации создаются не принадлежностью к группе, не рекламой и не защитой плохих стихов, или неверных статей. Пора привыкнуть к тому, что завоевать внимание и любовь читателя можно лишь собственным трудом и талантом. Это трудно. Но кто сказал, что литература это легкое дело. «Где, когда, какой великий выбирал путь, чтобы протоптанней и легше?»

Среди поэтов, об'единившихся на почве священной борьбы с Е. Усиевич, есть поэты сильные и есть поэты слабые. В отличие от Е. Усиевич мы считаем, что среди этих слабых поэтов—нет безнадежных. И мы советуем им, вместо того, чтобы тратить энергию на защиту стихотворения, написанного вчера и обруганного придирчивым критиком, написать сегодня другое, и сделать его лучше, чем предыдущее.

Не клясться Маяковским и в любви к Маяковскому следует нашим поэтам, а учиться у Маяковского, итти намеченным им путем.

А итти путем Маяковского — это значит:

уметь по-настоящему зажигаться и зажигать темой, волнующей сегодня страну,

поднять свою работу над этой темой до уровня лучшей поэзии, какая когда-либо существовала,

считать эту работу — главной работой своей жизни,

и делать эту работу с таким совершенством, чтобы стихотворение, написанное на злобу дня, жило бы в памяти читателей, хотя бы десятилетие.

Маяковский часто сам приходил в газету с темой стихотворения, которую он считал насущно необходимой. И неизменно оказывалось, что эта тема необходима газете, а следовательно и стране. А много ли можно вспомнить за последние годы стихотворений поэтов, гордо именующих себя «комсомольскими», которые бы были событием для страны? Нет, у многих наших поэтов газетные стихи бывают к событиям пристегнуты.

Мы далеки от мысли, что поэзия наша находится в тупике. Тот единый порыв, с каким поэты выступили против скептического к советской поэзии отношения, несомненно содержит в себе здоровое начало. Но будет очень печально, если порыв этот не окажется реализованным в стихах, а будет использован какой-нибудь группой в своих интересах и практически сведется к тому, что двадцать или тридцать поэтов затопчут одного критика.

Наши поэты любят говорить о своих успехах в писании слов для песен. Их достижения здесь несомненны. Новые песни действительно поет весь советский народ. Но не нужно, во-первых, приписывать успех этого жанра всем без исключения сочинителям слов для песен, а, во-вторых — умалять в этом деле заслуги авторов музыки. И не следует забывать, что композитор, написавший три года назад музыку песни, имевшей успех, написал с тех пор десятки новых произведений, а поэт, зачастую, по сей день живет славой некогда сделанной вещи и считает на этом основании лавровый венок неот'емлемой своей привилегией до конца жизни.

Песня продвигает поэзию в народ. Благодаря умело сделанным словам песни, поэзия стала народу нужнее и ближе, чем это было когда-либо. Но стихи, которые должны итти вслед за песней, — где они? Как мало их пишут наши поэты!

Ведь именно в наши годы Пушкин стал по-настоящему народным поэтом, а Маяковский нашел впервые в истории прижизненное признание.

Ведь не было времени, когда люди жаждали бы поэзии, как сейчас ее жаждут читатели нашей счастливой страны!

Групповщину скрыть невозможно. Как бы ни были честны, бесхитростны, справедливы и очевидны отдельные мысли участников дискуссии—ясно одно: и с той и с другой стороны действуют **тесно сплоченные, дисциплинированные, вооруженные до зубов рапповским опытом ведения интриг, — беспринципные группы.**

Надо уметь различать групповщину и во-время разоблачать ее. Это нелегкое дело. Групповщики очень хитры и опытны в склочных делах. Групповая возня — это тот питательный агар-агар, в котором развиваются, не могут не развиваться враждебные партии бактерии.

Надо работать, а не хныкать.

Эти слова товарища Сталина мы должны противопоставить всем тем поэтам и критикам, которые, чувствуя себя обиженными, с головой бросаются в сети, ловко расставленные матерыми групповщиками.

«Граница»

Ю. Жуков — автор выходящей в Гослитиздате книги «Граница» — журналист. Осенью 1936 года в вагоне редакции «Комсомольской правды» он совершил интересное путешествие по Дальнему Востоку. Он участвовал в тактических учениях войск ОКДВА, присутствовал на учениях Тихоокеанского флота, гостил у дальневосточных пограничников, у строителей города Комсомольска, у комсомольцев Владивостока, Ворошилова, Хабаровска.

Сто двенадцать дней провел автор на Дальнем Востоке. Каждый день был богат интересными встречами, острыми впечатлениями. Записи в дневнике журналиста послужили первоначальным материалом для создания «Границы».

В книге изложены только факты. В ней нет ни одной вымышленной фамилии, ни одного вымышленного адреса.

Книга эта рассказывает о непрерывно растущей мощи советского Дальнего Востока, о каждодневной готовности славных пограничников ответить уничтожающим ударом тем, кто попытается посягнуть на неприкосновенность границ священной земли социализма.

И на суше и на воде советские границы — на крепком запоре. Но враг коварен и хитер.

Об этом ни на минуту не забывают дальневосточные пограничники, об этом не забывает и автор книги.

— Сегодня — это учение. Но завтра — кто может поручиться за завтрашний день? — говорит автору командир флота во время маневров.

Наши границы стерегут не только славные пограничники. Партия, весь народ, молодые комсомольцы, строители новых городов-форпостов на Дальнем Востоке героически укрепляют оборону нашей родины,— об этом просто и правдиво рассказывает Ю. Жуков в книге «Граница».

Библиография

В ГОСЛИТИЗДАТЕ ВЫШЛИ КНИГИ:

✱ **«Водевили»** В. А. Соллогуба. Тираж 20 тыс. экземпляров. Цена 2 р. 25 к.

✱ **«Вот Москва»** Л. В. Никулина. Тираж 10 тыс. экземпляров. Цена 3 р. 50 коп.

✱ **«Бруски»** Ф. И. Панферова. Тираж 15 тыс. экземпляров. Цена 2 р. 35 коп.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ИСКУССТВО» ВЫШЛИ КНИГИ:

✱ **«Баку»** (Апшеронская ночь) — пьеса Николая Никитина. Тираж 10.000 экземпляров. Цена 1 р. 30 коп.

✱ **Сборник стихов, рассказов, очерков, пьес** для кружков художественной самодеятельности под редакцией А. З. Негинского. Тираж 5000 экземпляров. Цена 1 р. 75 к.

✱ **«Кукрыниксы»** — Р. Кауфмана. Издание иллюстрировано. Тираж 5000 экземпляров. Цена 3 р. 25 к.

✱ **«Франс Гальс»** — В. Вольский. Издание иллюстрировано. Тираж 5000 экземпляров. Цена 3 р. 25 к.

✱ **«А. А. Рылов»** — В. Аникиевой. Издание иллюстрировано. Тираж 3000 экземпляров. Цена 5 р. 50 к.

✱ **«Франческа Граапь»** — Э. Арнольди и Н. Ефимова. Тираж 5000 экземпляров. Цена 1 руб.

✱ **«Слушай, история»** — Евг. Пермяка (театрализованный агитплакат). Тираж 10.000 экз. Цена 40 коп.

✱ **«Стихи для эстрады».** Сборник второй. Тираж 10.000 экз. Цена 60 коп.

✱ **«Счастливые»** (комедия в одном действии) А. Ульянинского. Тираж 10.000 экз. Цена 40 коп.

✱ **«Краткий путеводитель по живописи** по Государственному русскому музею. Тираж 5000 экз. Цена 2 руб.

В ДЕТИЗДАТЕ ЦК ВЛКСМ ВЫШЛИ КНИГИ:

✱ **«Рассказы о мировой войне»** Л. Савельева. Второе переработанное издание. Тираж 25.000 экз. Цена 4 руб.

✱ **«Самодельная железная дорога»** — С. Барановой. Тираж 50.000 экземпляров. Цена 1 р. 75 к.

✱ **Стихи** — Л. Квитко. Перевод с еврейского. Тираж 50.000 экземпляров. Цена 3 р. 50 к.

✱ **«Где раки зимуют?»** — В. Бианки. Тираж 25.300 экземпляров. Цена 5 р. 50 к.

Шота Руставели. Портрет работы художницы Ирины Гепнер.

Юбилей создателя «Витязя в тигровой шкуре»

750-летнему юбилею со дня рождения Шота Руставели, гениального грузинского поэта, автора «Витязя в тигровой шкуре», было посвящено заседание секретариата союза советских писателей, происходившее 3 декабря. Тов. И. К. Луппол, председатель комитета, созданного союзом писателей для чествования памяти Руставели, только что вернувшийся из Тбилиси, выступил с подробным сообщением о ходе подготовки юбилея.

Грузинская писательская, партийно-советская общественность собирается достойно отметить память великого поэта. Сообщение о решении правления союза писателей провести в Тбилиси специальный пленум встречено общественностью Грузии горячо и сердечно.

Общественность выдвинула обязательное требование, чтобы все без исключения члены правления союза советских писателей приехали в Тбилиси.

Программа празднеств такова. Пленум союза советских писателей открывается 24 декабря в Тбилиси в театре им. Руставели или в помещении Грузинской государственной оперы. Пленум заслушает доклады тт. Гаприндашвили «Руставели и современность», проф. Ингороква «Руставели и его поэзия», проф. Ивана Джавахишвили «Материальная и интеллектуальная культура Грузии в эпоху Руставели», а также доклады писателей П. Павленко и Ник. Тихонова.

В первый день праздников, 24 декабря, после открытия пленума и доклада, Грузия устраивает для гостей концерт с участием лучших исполнителей. С утра 25 декабря будет проходить деловая работа пленума — продолжение докладов и прения о творчестве автора «Витязя в тигровой шкуре». 28 декабря пленум заслушает доклад т. Чаквиани «Грузинская литература за несколько лет». 29 декабря вечером пленум закончится.

30 декабря с участием гостей-писателей намечено созвать торжественное заседание Тбилисского горсовета совместно с грузинской юбилейной правительственной комиссией.

Во время пребывания в Грузии гости посетят гор. Гори, родину великого Сталина; будут организованы встречи писателей с рабочими фабрик и заводов Тбилиси, со студентами. Предполагается показать участникам пленума драматическую постановку пьесы т. Шалвы Дадиани, посвященную роли товарища И. В. Сталина в создании большевистских организаций Закавказья.

К юбилейным дням готовится также показ новой оперы Палиашвили «Латавра» и открытие выставки.

В союзах советских писателей братских республик также оживилась работа по чествованию Шота Руставели. Работает украинский юбилейный комитет, руководимый поэтами Павло Тычиной и Бажаном. Профессор Белецкий и т. Бажан готовят к пленуму в Тбилиси выступления.

В переводе т. Бажана выходит из печати роскошно издаваемый «Витязь в тигровой шкуре». Массовое издание этого перевода, к сожалению, не встречает поддержки Гослитиздата Украины.

Гослитиздат Армении имеет перевод поэта Георга Асатура. Московские, чувашские, татарские, азербайджанские, казахские журналы и газеты откликаются на юбилей великого грузинского поэта статьями и стихотворными переводами своих писателей на родном языке. Белорусские поэты Я. Колас, П. Глебка, П. Бровко, П. Кулешов перевели 25 глав поэмы, которые будут опубликованы в журнале.

В Грузии к празднествам готовится академическое издание Шота Руставели на грузинском языке. В Москве издательство Академии Наук выпускает поэму «Витязь в тигровой шкуре» в переводе Петренко с иллюстрациями худ. Тоидзе. Гослитиздат выпустит поэму в переводе Цагарели с красочными иллюстрациями Т. Абакели и массовое издание перевода Петренко.

✱

В обсуждении сообщения тов. И. К. Луппола участвовали тт. Вс. Иванов, В. Вишневский, Аршаруни, Гольцев.

Все предложения юбилейного комитета союза писателей, согласованные с грузинским комитетом, приняты.

КНИГИ К ВЫБОРАМ

«Народы СССР о Сталинской Конституции»

Государственное социально-экономическое издательство отмечает первую годовщину принятия Конституции СССР выпуском в свет сборника **«Народы СССР о Сталинской Конституции».** В материалах сборника отражен тот могучий политический под'ем, которым охвачена была страна, начиная с момента предварительного всенародного обсуждения Сталинской Конституции и кончая замечательной демонстрацией политического и морального единства нашего народа, мощно выраженного в ходе избирательной кампании.

Волнующей манифестацией этого единства, революционной сплоченности, беззаветной преданности масс партии большевиков и ее Сталинскому Центральному Комитету являлось каждое предвыборное собрание.

«Правда» отмечала, что уже первые предвыборные собрания, состоявшиеся 20 октября в Москве и Ленинграде, прошли с огромным революционным энтузиазмом, подобным тому, с каким 20 лет назад совершалась великая большевистская победа.

Первый раздел сборника посвящен замечательным документам избирательной кампании, в которых запечатлено мнение народа о лучших своих людях, выдвинутых им кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР. Читатель здесь найдет волнующие речи рабочих, колхозников, красноармейцев и служащих, выдвигавших кандидатами в депутаты Верховного Совета товарищей Сталина, Молотова, Калинина, Л. М. Кагановича, Ворошилова, Андреева, Микояна, Чубаря, Косиора, Жданова, Ежова, Хрущева. Лучшие думы и чувства народа выражены в выступлениях людей из народа и в резолюциях многотысячных народных собраний, посвященных великому вождю народов СССР товарищу Сталину.

В следующем разделе сборника напечатан текст великой Конституции и рядом — описание той мощной демонстрации миллионов, какой год тому назад, 6 декабря, страна приветствовала Конституцию в Москве, Ленинграде, Киеве, Баку, Ташкенте, Ашхабаде, Сталинабаде, Тбилиси, Ереване, Алма-Ата, Фрунзе, Ойрот-Туре, Иошкар-Ола и по всему СССР.

Не трогательно ли сейчас прочитать, например, что в Ойрот-Туре — центре Ойротии — в честь утверждения Конституции состоялся вечер дружбы народов, на котором присутствовали представители всех 26 национальностей, населяющих Ойротию.

Крупнейший раздел сборника посвящен отчетам делегатов Чрезвычайного VIII Всесоюзного с'езда Советов на предприятиях и в колхозах. Естественным продолжением этого раздела является глава «Миллионы трудящихся великой социалистической страны об основных правах и обязанностях советского гражданина».

Затем следует статья М. И. Калинина «Положение о выборах в Верховный Совет Союза ССР и задачи советов» и заключительный раздел сборника «Всенародное изучение Положения о выборах в Верховный Совет СССР идет по всем городам и селам необ'ятной нашей страны». Здесь собраны не только высказывания трудящихся об избирательном законе, но и воспоминания рабочих и колхозников старшего поколения о комедии выборов в царскую Государственную думу.

✱

Огромный материал, собранный в сборнике Соцэкгиза, полностью взят из газет и не подвергался никакой обработке или обобщению. Тем не менее эти материалы, собранные вместе, гармонически дополняют друг друга и красноречиво рассказывают о Сталинской Конституции.

12 декабря

Неисчерпаемые сокровища народной поэзии пышно расцвели под солнцем Сталинской Конституции.

В сборнике **«Стихи и песни о выборах в Верховный Совет»**, выпущенном в библиотеке «Огонек», собрана лишь малая доля огромных песенных богатств, созданных народами СССР.

В сборник включено 35 стихов и песен двенадцати народностей Советского Союза. Волнующими, горячими словами воспевают они обновленную землю страны социализма, счастливую жизнь радостных людей, великого вдохновителя и организатора побед, учителя, отца и друга товарища Сталина.

В зимний день 12 декабря,
В такой хороший зимний день,
Когда и солнце ярче стало,
Тебе несу свой бюллетень
И жизнь, великий Сталин! —

поют в Азербайджане. Им вторят на далеком Севере, в аулах Дагестана, на Украине и в Белоруссии.

Весь многомиллионный советский народ радостно поет и отдает свои голоса ему, великому Сталину, его верным соратникам, его верным ученикам и воспитанникам.

Книга выпущена тиражом 50 тысяч экземпляров. Цена 40 коп.

Песни о Сталинской Конституции

От края и до края нашей великой родины звучат радостные, гордые песни. Акыны в степях Казахстана, ашуги горной Армении, украинские кобзари и сказители далекого Поморья слагают песни о великом дне 12 декабря, о цветущей родине, о счастливой радостной жизни, о творце и организаторе великих побед товарище Сталине.

Ко дню выборов в Верховный Совет издательство **«Советский писатель»** выпускает сборник народных песен, посвященных Сталинской Конституции.

Сборник открывается русским сказом, записанным со слов тов. Долгушевой в колхозе «Красная звездочка» Кировской области: «По твоим заветам все исполнилось». В этом сказе русская женщина мечтает:

Если б стала я да ясным соколом,
Превратилась бы да в сиза голубя,
Али в ласточку во быструю,
Полетела б я прямехонько,
До Москвы бы долетела я
До Кремля стены, до каменной.

Лететь в Москву она хочет, чтоб рассказать о том, как светла и радостна стала жизнь.

И одна сейчас у нас дороженька
К счастью, светлая, лучистая, широкая,
И ведет по этой по дороженьке
Нас родная наша партия.

Воспевая наших вождей, в которых сконцентрированы лучшие и благороднейшие человеческие качества, связывая с ними все свои мысли о счастливой и радостной жизни, народные певцы воплощают в их образе лучшие черты любимых народом героев-богатырей.

Народный певец Казахстана, орденоносец Джамбул, воспевая «закон, воплотивший мечты людей всех племен», подымает свой голос за великого Сталина:

— Забыв, что я стар, сутул и, как изморозь, сед,
Я так говорю, чтобы все на планете слыхали:
— Пусть первым войдет от народов в Верховный Совет
Немеркнущим солнцем, дающим вселенной свой свет,
Сверкающим гением наших великих побед,
Родной и любимый, сравнений не знающий, Сталин!

Джамбулу вторят народный поэт Бурят-Монголии орденоносец Хоца Намсараев, ашуг Азербайджана Мирза, народный певец Казахстана Орумбай, украинский кобзарь Микола Шашко, ярко и правдиво отражая в своих песнях образ гениального вождя — синоним счастья, радости, гордости, дружбы народов, синоним светлой и привольной жизни.

С чувством гордости и воодушевления, с особой страстностью ашуги, акыны, бахши воспевают Сталинскую Конституцию — великую хартию труда и свободы.

В сборнике собраны песни тридцати народов Союза.

Сборник выпускается в срочном порядке. Тираж — 10.000 экземпляров. Выйдет в свет к 8 декабря.

✱

Песни тридцати народов, стихи и поэмы свыше ста крупнейших народных поэтов нашей родины включены в сборник **«Сталинская Конституция в поэзии народов СССР»**, выходящий в **Гослитиздате.**

Сборник открывается двумя красочными портретами вождей мирового пролетариата Ленина и Сталина.

Затем в трех разделах даны поэтические отклики на Сталинскую Конституцию.

Устами певцов и глашатаев, акынов и жирши, ашугов и кобзарей народы Советского Союза воспевают нашу светлую радостную действительность. Свои лучшие песни народные певцы посвящают тем, кто принес народам светоч знаний и счастливую жизнь — великим вождям и учителям Ленину и Сталину.

На протяжении столетий народы создавали поэтические образы богатырей, народных героев, отважно воюющих с злыми силами. В этих произведениях народы выражали свою тоску по герою, который возглавил бы их в борьбе за свободу, за вольную, счастливую жизнь.

Заветная народная мечта осуществилась. Ленин и Сталин подняли и возглавили народы в их борьбе за свободу. В них народная поэзия нашла живой образ своих вековых исканий и надежд, своих подлинных героев, творцов и мастеров новой жизни.

И шлют народы далекой тундры в саамской народной песне «большое спасибо Сталину» за новую лучезарную жизнь, за великий сталинский закон. И поет ферганская девушка песню о молодости, о цветущих садах и годах, о ярких глазах и негнущемся стане, о любви, «о том, кто этой песни прославленный творец, о мудром и великом Сталине».

Песни, стихи этого сборника — замечательный поэтический памятник нашей героической эпохи, ее творческой, животворящей силы. Сборник художественно оформлен и выйдет в свет к 8 декабря.

«КРАСНАЯ НОВЬ»

Книга одиннадцатая

Наконец-то вышел юбилейный номер журнала.

Медлительность чрезвычайная, которой не может быть никакого оправдания.

Журнал открывается постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР о предстоящих выборах в Верховный Совет. Передовая журнала и статья тов. А. Вышинского «Двадцать лет советского государства» рассказывают о колоссальных изменениях, происшедших в стране, о новой Сталинской Конституции, о неисчислимых победах, достигнутых нами под руководством коммунистической партии и мудрого ее вождя Сталина. «За кого голосует советский народ» — озаглавлена передовая и в ней сказано: «Листки избирательных бюллетеней — это лавровые венки славы, которыми советский народ увенчает лучших и достойнейших своих представителей, верных питомцев великого Сталина».

В публицистическом разделе книги помещены статьи В. Колбановского — «О новом человеке» и А. Эрлиха — «Герой нашего времени».

Новая повесть Валентина Катаева «Я, сын трудового народа» составляет основу книги, ее ядро. Замечательная, глубокая и простая, спокойная и волнующая повесть эта несомненно являет собой крупное литературное явление.

У журнала была возможность первому познакомить читателя со своих страниц с этим произведением. Неслыханная медлительность редакции повела к тому, что два издательства — Детгиз и Гослитиздат — успели выпустить книгу В. Катаева на много дней прежде, чем номер журнала появился в свет.

В. Левин выступает с новой повестью — «На юг!» Воскресает эпоха гражданской войны, грозно движутся полки красноармейцев на Таврию, последний оплот контрреволюции. Сталин организует этот последний удар по врагу. Талантливый пролетарский полководец М. В. Фрунзе выполняет во главе героических, воодушевленных красноармейских масс эту важнейшую боевую операцию по разгрому Врангеля.

«На юг» писалась по историческим материалам Н-ой дивизии, принимавшей участие в героических боях. Повесть задумана как часть некоей единой и коллективной книги по истории Н-ой дивизии. Б. Левин рискнул на смелый опыт: он ввел несколько вымышленных фигур в повествование, которое по замыслу и целям своим должно воспроизводить точную картину событий, даже в подробностях и мелочах не расходящихся с данными исторических документов.

Много страниц уделено в юбилейном номере народному творчеству. Колхозница Марфа Семеновна Крюкова, сказительница, происходящая из знаменитого рода сказителей Крюковых, поет о Ленине.

Былинным, величавым складом повествует Крюкова об истории последних лет царизма, о борьбе рабочего класса за свое освобождение, о Ленине, о революции, о победе.

«Думы о родине и вожде» Сулеймана Стальского исполнены вдохновенной гордости за страну и партию. Мир был «скуп, жесток и дик», но «вот явился большевик», чтоб изменить этот мир, чтоб сделать его «щедрым, как весна», и чище мела, и слаще сна, «чтоб был он радостней вина — в кругу друзей в пиру достойном».

Народному певцу Дагестана вторит на соседних страницах Джамбул, народный певец Казахстана. Величие Союза, славу родины, счастье всех освобожденных народов поют на разных языках с одинаковым вдохновением народные поэты.

Хорошо подобранный материал «Октябрьские вечера» в записях С. Мирера и В. Боровика показывает, как проходили, как праздновались в стране октябрьские дни год за годом, от первых шагов Пролетарской революции до наших дней социалистических побед.

Одиннадцатая книжка «Красной нови», своевременно выпущенная, могла бы быть хорошим праздничным подарком читателю.

А. ЮРЬЕВ.

Театр—Кино—Музыка—Живопись

«Волочаевские дни»

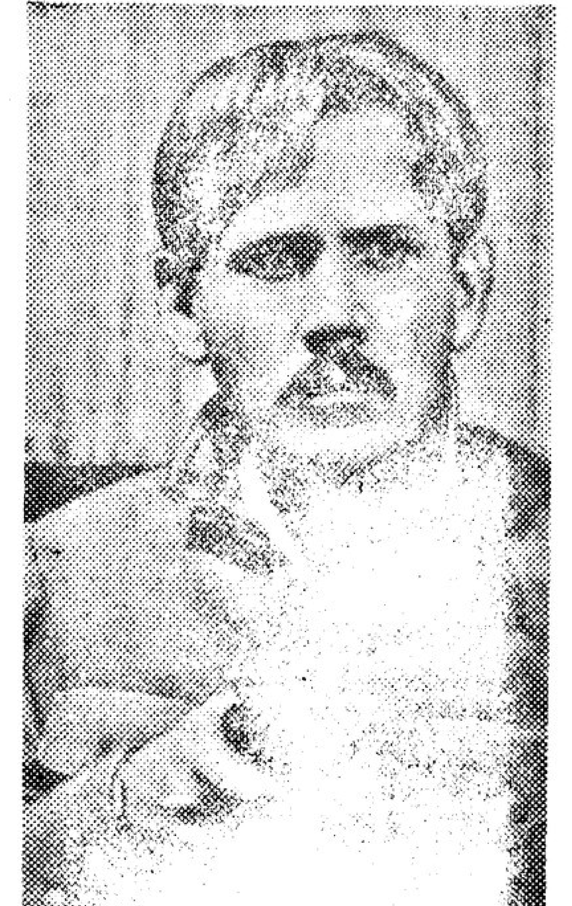
Фильм С. и Г. Васильевых

Недостаточно надеть на одного из актеров буденновку, на другого фуражку с офицерской кокардой, чтобы заставить зрителя полюбить одного и возненавидеть другого. Даже нашего зрителя, имеющего все основания ненавидеть офицера и любить красноармейца.

Есть у нас в кино режиссеры, которые никогда не ограничивают свою работу рамками бутафории. Они знают, что наш зритель всегда воодушевленно аплодирует победам Красной Армии на экране, но тем не менее склонны приписывать эти аплодисменты себе.

Это очень важное обстоятельство. О нем никогда нельзя забывать. И тот факт, что наш зритель очень эмоционален и любит свою родину, не должно избавлять режиссеров от обязанности проявить в картине максимум изобретательности, мастерства и ума в овладении тайнами кинематографического искусства. Некоторые считают, что тайн этих вовсе нет, что даже упоминание о них представляет собой так называемый «голый формализм». Некоторые знают о существовании этих тайн, но не слишком стремятся к тому, чтобы в них проникнуть. И злоупотребляют прекрасными качествами нашего зрителя, давая ему кинематографический примитив.

Новый фильм Сергея и Георгия Васильевых — это прежде всего настоящий кинематограф.

Артист Н. Дорохин в роли большевика Андрея

Собственно говоря, материал этого фильма настолько доходчив и значителен, что авторы могли бы, почти не отличая своей творческой совести, пойти по линии наименьшего сопротивления (не особенно заботиться о тонкостях развертывания сюжета, о законченности мелких, даже мельчайших деталей, о почти неуловимых оттенках в работе актеров, художника, композитора, оператора).

Васильевы пошли по другому пути.

Очень хорош в их картине сценарий. Он закончен без схематизма, напряжен не только в целом, но и в каждом эпизоде. Здесь нет «мертвых действующих душ». Каждый человек, появившийся в начале картины, занят в ней до конца. Превосходна экспозиция, вводящая зрителя в курс дела буквально с первых же кадров без традиционно волнующейся реки и лихо бегущих по небу облаков. И, наконец, самое главное, сценарий, если можно так выразиться, удивительно круто сделан, как бы олицетворяя кольцо, в которое попали японские интервенты. Японцы пришли — это начало картины. Японцы ушли — это ее неизбежный конец.

Сценарий перенесен на экран с блеском. Характерная особенность: всякий раз, когда герои картины попадают в критическое положение, зритель по-настоящему боится за них. А ведь мы, зрители, если говорить правду, далеко не всегда тревожимся за участь кинематографических героев. Мы часто спокойны за их судьбу. Мы знаем, что добряк-режиссер не обидит их и убережет от любой опасности. Здесь же, когда Андрей медленно подымает револьвер, чтобы выстрелить в Машу, веришь в возможность этого выстрела в течение нескольких секунд, — именно тех нескольких секунд, которые очень точно были рассчитаны режиссером. Те же чувства испытываешь в сцене об'яснения Андрея с полковником Усижима.

У Васильевых есть умение показывать гражданскую войну, как войну небывалую, совсем особенную, не похожую ни на какие другие войны. Это было в «Чапаеве». Это есть и в «Волочаевских днях». И все же эти две войны у них не похожи одна на другую. Васильевым удалось самое трудное — достигнуть той степени конкретности, когда изображаемые на экране события не вызывают никаких кинематографических ассоциаций. Картина нова с начала до конца. Это действительно война, происходящая на Дальнем Востоке: враждебная интервентам тайга, маленький человек в очках, карабкающийся по обледенелому склону горы, семейские мужики-раскольники, выражающие свое единение с партизанами тем, что позволяют им курить в своих избах. В картине есть география, эпоха, — и все это в ней настоящее. Времена года — зима и лето — выбраны здесь не для того, чтобы дать оператору возможность снять в красивом ракурсе отягченную снегом ветку или этакий уснувший пруд, серебрящийся в лунных лучах. Нет, зима и лето необходимы здесь сюжетно, они в картине заняты как актеры.

Авторы были настолько требовательны к себе, что удержались даже от того, чтобы снять волны Тихого океана, с сатанинским ревом набегающие на берег. А ведь киноаппарат их был так близко от Тихого океана!

Однако, вернемся к делу.

Необходимо сказать об актерах в этой картине. В. Мясникова (Маша) создает образ смелой и женственной подруги героя. Н. Дорохин делает фигуру большевика живой и человечной. В. Лукин в роли старого портартурца и георгиевского кавалера Егора Квитко — живой, чудесный старик, которого невозможно не полюбить.

И, наконец, Л. Свердлин, играющий роль полковника Усижима с совершенно исключительным мастерством и предельной убедительностью. Роль эта так сложна и так блистательно выполнена, что представляет собой настоящее событие в кинематографии.

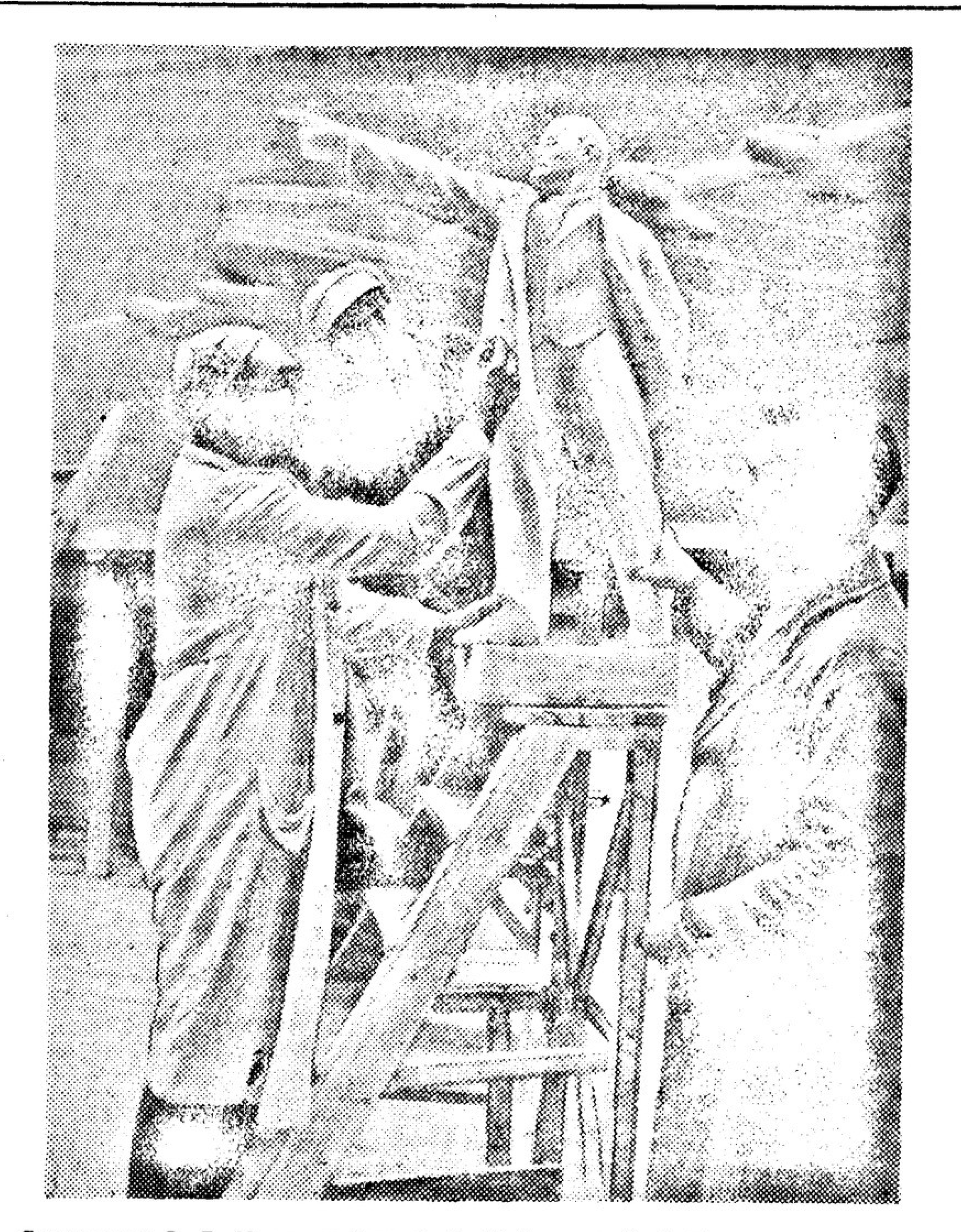
Есть и еще в картине много превосходно сыгранных ролей: хитрый мужик Б. Чирков, старуха-староверка (фамилия исполнительницы, к сожалению, не указана в программе), матрос Бублик — Б. Блинов, пленный японец — Б. Хайдаров, начальник станции — Ф. Чагин.

В заключение мы можем сказать откровенно: мы очень беспокоились за Васильевых. После блистательного успеха «Чапаева» им, наверное, было очень трудно работать. Ведь даже просто хорошая картина показалась бы после «Чапаева» неудачей.

«Волочаевские дни»—картина великолепная.

Уровень, достигнутый Чапаевым, закреплен. И теперь мы совершенно спокойны за третью картину Васильевых.

Г. ВОРОНОВ

Скульпторы **С. Д. Меркуров** (слева), **И. М. Попов** и **И. С. Леднов** за работой над эскизной статуей Ленина (в мастерской С. Д. Меркурова)

(Союзфото)

Статуя Ленина для Дворца Советов

В настоящий момент, совместно с архитекторами — авторами проекта постройки Дворца Советов — Иофаном, Щуко, Гельфрейхом, мы работаем над дальнейшей разработкой эскиза статуи Ленина, стремясь окончательно органически увязать статую с самим зданием.

Одновременно мы работаем над соотношениями различных частей фигуры и над проектом построения ее каркаса. Нужно иметь в виду колоссальные размеры статуи. Ее указательный палец будет иметь длину в 4 метра, голова — 14 метров, поперечник груди — 32 метра, а поперечный разрез ноги у ступни — 10 метров.

Скоро будет окончательно разрешен вопрос, из чего будет построена статуя — из нержавеющей стали или из какого-нибудь другого металла. Этот вопрос чрезвычайно важен, так как от материалов в значительной степени зависит форма статуи.

Дальнейшая работа будет вестись таким образом. Уже сделаны эскизы в 50 сантиметров и в один метр, дальше мы сделаем эскизы в 2½ метра, в 5 метров, в 10 и в 20 метров. Здесь не может быть простого механического увеличения, ибо каждая из этих величин предполагает определенную форму, в которую и должны быть облечены эти об'емы (проблема величины и проблема формы). Двадцатиметровый эскиз уже позволит нам близко подойти к постройке стометровой фигуры, с тем преимуществом, что его легче будет охватить глазами.

Дальше нам надо будет разрешить проблему силуэта, чтобы был выдержан «valleur», т. е. отношение темного фона, заключенного в силуэт, к тону неба. Предстоит разрешить и еще ряд серьезнейших проблем. Я прекрасно сознаю всю ответственность моего задания по постройке колоссальной фигуры Ленина для Дворца Советов и надеюсь успешно выполнить порученную мне чрезвычайно сложную и одновременно почетную работу.

Скульптор С. МЕРКУРОВ

Растет музыкальная культура страны

Закончившаяся декада советской музыки показала, что наша музыка создала уже подлинно классические образцы вокального мастерства. С глубоким удовлетворением нужно отметить переход советских композиторов к созданию мелодичных арий и песен, характеризующихся гармоническим развитием музыкальной темы.

Мне очень радостно, что с каждым днем растет музыкальная культура страны.

Музыкальные декады нужно в будущем продолжать. Они создают творческую спайку композиторов с певцами. Композиторы должны как можно лучше ознакомиться с особенностями вокала, индивидуальными голосовыми данными отдельных певцов. Подобные декады дают творческий импульс композиторам к созданию новых музыкальных произведений и исполнителям — к созданию наиболее ярких, наиболее совершенных форм передачи их.

Заслуженная артистка В. А. ДАВЫДОВА

Новые музыкальные богатства

Декада советской музыки ознакомила страну с целым рядом новых замечательных советских музыкальных произведений. Особенным разнообразием отличался инструментальный репертуар.

В программе декады советской музыки наряду со старшим поколением советских композиторов (Хачатурян, Прокофьев, Александров, Файнберг, Мясковский, Хренников, Кабалевский) выступили молодые композиторы, проявившие себя как зрелые мастера.

Молодые композиторы Свиридов, Баланчивадзе, Бирюков и Голубев сделали значительный вклад в советскую инструментальную музыку.

Остается только пожалеть, что декада все же не выявила всего богатства советского симфонического творчества. Симфоническая музыка, в отношении которой мы достигли таких значительных успехов, должна была по праву занять более достойное место в программе декады.

Вообще программы декады не охватили полно все богатство советской музыки и были составлены недостаточно продуманно. Пробелом в них являлось отсутствие единой линии, стиля.

Следует пожелать дальнейшего регулярного продолжения музыкальных декад. Демонстрируя разнообразие богатств советской музыки, эти декады одновременно много дают и исполнителям и композиторам, стимулируя их творческую работу и об'единяя весь музыкальный коллектив страны.

Профессор ЛЕВ ОБОРИН

«Профессор Полежаев»

В Московском театре Ленсовета

Пьеса Леонида Рахманова «Профессор Полежаев» представляет собой театральный вариант фильма «Депутат Балтики». Популярность фильма избавляет нас от необходимости ознакомить читателя с содержанием пьесы. Сохранив полностью действующих лиц и сюжет «Депутата Балтики», Рахманов вносит в пьесу частичные изменения и добавления. Совершенно новым по отношению к фильму является первый акт пьесы, в котором показана жизнь хорошо знакомых нашему зрителю героев до революции, в 1916 году. Профессор Полежаев возвращается домой из-за границы, из Стокгольма и из Лондона. В Кембридже на Полежаева торжественно надели мантию, он стал доктором естественных наук старейшего университета. Ученые всего мира, стоя, в глубоком молчании приветствовали своего великого русского коллегу. «Стоят, молчат и на меня все смотрят. Прямо страшно... Точно клятва. Верность до гроба».

Так встретили сообщение Полежаева о его научных открытиях, его призыв к окончанию войны и к международному единению ученых.

Но вот Полежаев возвращается в Россию. Проект профессора Полежаева об учреждении академии прикладной ботаники в помощь России, поражаемой недородами, отвергнут министрами царской России.

Ленин утверждает проект Полежаева в один из самых трудных и тревожных моментов революции.

Так Рахманов расширяет в пьесе тему «Депутата Балтики».

Написанная для этой цели новая экспозиция пьесы значительна и интересна по своему содержанию.

Артист Н. Чистяков в роли профессора Полежаева

Рис. А. Костомолоцкого

Не удалась Рахманову попытка обогатить образ жены професора Полежаева Марии Львовны. В самом конце пьесы профессору Полежаеву, а вместе с ним и публике преподносится приятный сюрприз. Оказывается Мария Львовна тоже крупный научный работник. Вместе с Бочаровым она долгое время тайно производила физические опыты, в результате которых удалось доказать, что отрицавшееся всеми физиками утверждение Полежаева о наибольшей активности в спектре красного цвета, — правильно. Открытие Марии Львовны Полежаев считает мировым.

Трудно допустить, чтобы столь близкие Полежаеву люди производили сложные опыты по интересующему его предмету без его помощи, без его советов, тайно. Таких тайн не бывает. Непонятно также, почему Мария Львовна и Бочаров так долго скрывают радостную весть от любимого и оберегаемого ими человека, на долю которого выпадает так много тяжелых испытаний.

Вся эта история чрезвычайно неубедительна. Она втиснута в пьесу произвольно и искусственно.

Неудачная эта интрига обязательно должна быть вычеркнута из пьесы.

Артист Н. Чистяков, играющий в московском театре Ленсовета роль профессора Полежаева, создал большой и вполне оригинальный образ великого ученого — революционера. Полежаев у Чистякова обворожительный старик, творчески юный и неутомимый. Богатая духовная жизнь этого человека наполняет его внутренним ликованием, энергией. Он видит только самое главное, самое большое и поэтому рассеян в быту, в мелочах. Он часто вспыхивает, точно внезапно пробуждаясь от сна, выскакивает из своего кабинета, гневно хмурит брови и клеймит позором всякий неблагородный поступок, всякую нескромность. Но нахмуренные, нависшие брови не могут скрыть добрых глаз Полежаева. В его гневе всегда сквозит обида. Недостойное поведение вызывает в нем не только чувство возмущения, но и глубоко оскорбляет его. Вспыльчивость Полежаева часто проявляется с детской непосредственностью, идущей от нетронутой чистоты, от прямоты и честности его чувств и мыслей.

Благородное, человеколюбивое сердце обаятельного старика не делает его слабым. Наоборот — это человек огромного мужества и непотухающего общественного темперамента. Всю свою долгую жизнь Полежаев провел в опытах над растениями, но он ни на минуту не забыл, что трудом своим служит народу, родине, всему человечеству. Кабинетный ученый, — он и гражданин мира в самом высоком смысле этого слова, он и мудрый творец, и наивный, восторженный ребенок, и сильный духом мужественный революционер, и слабый растроганный старик, весьма благоразумный и чуть-чуть вздорный, глубоко волнующий и вместе с тем немного смешной.

Таким показывает нам Полежаева артист Чистяков. Следя за его игрой, зритель много смеется, аплодирует и моментами не может удержать сочувственных, радостных слез. Конечно, роль профессора Полежаева очень благодарна, но Чистяков по праву делит свой успех с автором. Он дал свой сценический рисунок роли, очень тонко расцветил его, нашел множество интересных деталей. Однако, большая и талантливая работа Чистякова над образом профессора Полежаева еще не доведена до конца. Некоторые сцены нуждаются в дальнейших поисках. В них нет тех счастливых находок, которыми вообще так богата игра Чистякова.

Сцена первого акта, где профессор Полежаев, только что вернувшийся из-за границы, рассказывает жене, как его там принимали, дает и материал и повод для более живой и яркой игры.

Не нашел еще Чистяков оригинальных интонаций для речи Полежаева перед красноармейцами и матросами с балкона и для показа реакции Полежаева после его телефонного разговора с Лениным.

Правда, речь Полежаева недостаточно сильно сделана и у автора.

Кроме того, успех этой сцены во многом зависит от режиссуры, которая не нашла для нее интересного решения.

Постановщик спектакля заслуженный артист республики К. Зубов и режиссер Е. Страдомская, учитывая характер пьесы, стремились создать актерский спектакль, не выпячивая никаких, так называемых, постановочных моментов. Все свои усилия они направили на то, чтобы содержание пьесы, ее теплота, ее человечность были раскрыты исключительно в творчестве актера. В этом отношении они добились многого. «Профессор Полежаев» очень доходчивый, реалистический спектакль. Он украшает репертуар театра Ленсовета и надолго в нем останется. Но это обстоятельство только повышает ответственность театра и накладывает на него обязательство продолжать энергичную работу над улучшением спектакля, тем более, что некоторые актеры оказались не на высоте своих ролей.

Жена профессора Полежаева, Мария Львовна, в исполнении артистки Л. Туржанской — хорошо сохранившаяся, аккуратная, чистоплотная женщина, подвижная, энергичная, хлопотливая. У нее типичная для русской интеллигентки старшего поколения внешность. Говорит она охотно, громко, короткими распорядительскими фразами. В результате получается очень характерная фигура. Но если в игре Туржанской много внешнего правдоподобия, то внутреннюю правду Марии Львовны она раскрывает в очень малой мере.

Мария Львовна часто беспокоится о Полежаеве, но никогда не разделяет его собственных волнений, его мечты. Он для нее только слабый, капризный и неосторожный ребенок. Поэтому образ Марии Львовны не выходит за рамки его бытового толкования и не включается в глубокую драму пьесы.

От одаренного артиста В. Любимова можно было бы ожидать более значительного образа матроса Куприянова. Явившись в квартиру Полежаева, как в очередную буржуазную квартиру для из'ятия хлебных излишков, он вскоре смущенно покидает ее. Никем не предупрежденный Куприянов, каким-то чутьем понимает, что он попал не по адресу. Для того, чтобы понять это занятому человеку на ходу, находясь беспрерывно в огне революционных боев, надо обладать большим природным умом. Куприянов уходит из квартиры Полежаева, озлобившись на самого себя, смущенный своим промахом и все еще недоверчивый. Столкновения этих чувств Любимов не передает с достаточной силой и выразительностью. Здесь невольно вспоминается матрос из фильма «Депутат Балтики.

Играющий в очередь с Любимовым роль Куприянова артист Киселев совершенно неприемлем. Его игра находится на уровне плохого провинциального любительского спектакля.

Не удался образ доцента Воробьева артисту В. Струеву. Воробьев кажется ворвавшимся в квартиру Полежаева человеком из какого-то другого мира. Это персонаж из другого спектакля. Струев чрезвычайно упрощает образ интеллигента-реакционера.

В игре Струева нет никакой сдержанности, никаких тонкостей, нюансов скрываемых чувств, никаких движений, за которыми угадывается мысль человека. Его Воробьев показался бы нам просто истериком, если бы он не был позером мелодраматической школы.

Хорошим партнером Чистякова оказался артист И. Зиновьев, исполняющий роль студента-большевика Бочарова. Спокойствие, уверенность, цельность и глубина чувств, сдержанная любовь к Полежаеву, сила и мягкость — все это передано Зиновьевым с большой простотой и убедительностью.

Пьеса Леонида Рахманова, с таким успехом идущая в театре Ленсовета, несмотря на недоработанность спектакля, заставляет вспомнить некоторые наши принципиальные споры о драматургии. Сколько раз камерные пьесы провозглашались у нас пережитком буржуазной театральной культуры.

«Профессор Полежаев» по форме камерная пьеса в самом строгом смысле этого слова. Она написана в актах. Все действие пьесы проходит в одной комнате частной квартиры. В пьесе всего 5 действующих лиц. Никаких массовых сцен, площадей, боев. И тем не менее, как широк ее горизонт. В замочные скважины квартиры профессора Полежаева проникли социалистические идеи и они живут здесь яркой, красочной, поистине замечательной жизнью.

А. ГУРВИЧ

НОВЫЕ ПОСТАНОВКИ

В театре имени Вахтангова

В театре им. Вахтангова с нового года возобновляется прерванная из-за работы над юбилейным октябрьским спектаклем подготовка постановки «Ревизора» Гоголя. Постановка поручена заслуженному деятелю искусств Б. Е. Захава.

Роль городничего в «Ревизоре» будет играть народный артист СССР Б. В. Щукин, Хлестакова — народный артист РСФСР Р. Н. Симонов.

Оформление спектакля поручено художнику П. В. Вильямсу.

Специальной постановкой оборонной пьесы театр намерен отметить 20-летие Красной Армии.

Театр им. Вахтангова решил поставить в 1938 году пьесу о борьбе с фашизмом. Эта тема разрабатывается для театра тремя авторами. К 1 января должен сдать пьесу Ю. Олеша. Весной театр ждет пьесу от известного немецкого драматурга, находящегося в эмиграции, Юлиуса Гай, автора талантливой пьесы «Бог, император и мужик».

Наконец, третью пьесу о борьбе с фашизмом под названием «Эмигранты» пишет для вахтанговцев Лион Фейхтвангер. Действующие лица пьесы — немецкие эмигранты во Франции. Недавно писатель прислал театру подробный сценарий пьесы, которую он намерен закончить к сентябрю будущего года.

В портфеле театра им. Вахтангова нет ни одной новой пьесы на современную советскую тему. Ал. Толстой, П. Павленко, Н Погодин, В. Гусев, Ю. Никулин, Ю. Герман и Л. Сейфуллина обещали дать театру свои новые произведения. Давними договорами связаны с вахтанговцами И. Бабель и Л. Славин.

В плане театра на 1938 г. — показать также пьесу о Франции середины прошлого столетия, в виде инсценировки одного из произведений Бальзака, Золя или Мопассана.

Опера по роману «Одиночество»

Во второй половине сезона в Ленинградском театре оперы и балета имени Кирова и в Государственном музыкальном театре имени народного артиста СССР орденоносца Вл. И. Немировича-Данченко пойдет новая опера композитора Т. Хренникова по роману Н. Вирта «Одиночество».

Либретто к опере написано А. М. Файко.

— Последнее время, — сообщил нам автор оперы, — я часто встречаюсь с В. И. Немировичем-Данченко. Он приступил к сценической отделке уже законченных мною картин оперы. Совместная работа с Вл. И. Немировичем-Данченко над созданием оперы, его указания чрезвычайно помогают моей творческой работе.

Содержание оперного спектакля будет отличаться от романа «Одиночество» и пьесы «Земля».

В опере больше внимания уделяется личным отношениям Наташи и Леньки, которые гораздо сильнее драматизированы. По сравнению с романом образы положительных героев — Листрата и деда Василия — даны более развернуто и полно. События, происходившие в 1919—21 гг. в Тамбовской губернии, отражены в личных судьбах героев оперы, написанной в плане народной музыкальной драмы.

Художник Б. И. Волков уже закончил макет семи картин оперы для театра им. Вл. И. Немировича-Данченко.

В Ленинградском театре оперы и балета, где оперу ставит народный артист РСФСР Р. Н. Симонов, художественное оформление спектакля будет принадлежать И. М. Рабиновичу.

Театральный дневник

☆ **Государственный ТРАМ** в конце декабря покажет пьесу бр. Тур и Л. Шейнина — **«Очная ставка»**. Постановщик — художественный руководитель театра, заслуженный деятель искусств И. Я. Судаков, режиссеры А. В. Монюшко и В. Н. Егоров.

10 февраля состоится премьера пьесы Л. Толстого **«Живой труп»**, в постановке режиссеров А. М. Лобанова и Л. М. Кобович. Художник спектакля — В. А. Матрунин.

В марте ТРАМ покажет инсценировку рассказа М. Горького **«Трое»**. Постановщик спектакля и автор инсценировки В. П. Баталов, художник—С. И. Иванов.

☆ 27 декабря в **театре имени Ермоловой** состоится премьера пьесы А. М. Горького **«Дети солнца»**, в постановке художественного руководителя театра, народного артиста СССР, орденоносца Н. П. Хмелева. Декорации пишет художник Н. П. Прусаков.

В конце февраля пойдет пьеса А. Н. Островского **«Бедная невеста»**. Ставит спектакль заслуженная артистка республики орденоносец Е. С. Телешева.

☆ **Латышский театр «Скатувэ»** в конце декабря осуществит постановку пьесы-сказки латышского классика Яна Рейнис — **«Золотой конь»**. Ставит пьесу заслуженный деятель искусств О. Ф. Глазунов. Художник Э. Т. Гринвальд.

Театр начал работать над пьесой, переделанной из романа недавно умершего латвийского писателя Павла Сроэиц. Роман этот издан в СССР на латышском языке. Название романа и инсценировки **«Цеплис»**. Это злая сатира на нравы современной латвийской буржуазии. Автор переделки и постановщик спектакля — главный режиссер театра «Скатувэ» К. Я. Крумин.

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

От нашего корреспондента

В честь двадцатой годовщины Октябрьской революции и выборов в Верховный Совет СССР в Минске открыта большая юбилейная выставка. О масштабах этой выставки можно судить по тому, что она развернута в залах двух крупнейших новостроек Минска — Дома правительства и Дома Красной Армии.

В Доме правительства собраны экспонаты, отражающие победы белорусского народного хозяйства, а собранные в громадных залах Дома Красной Армии экспонаты рисуют замечательные достижения белорусского народа на всех поприщах творчества. В этом отделе собрано до 800 экспонатов, свидетельствующих о громадном под'еме самодеятельного народного искусства Белоруссии. Вы здесь увидите полотна, написанные самородками, вышедшими из народа — пограничниками, бойцами Красной Армии, рабочими, колхозниками. Здесь же выставлена резьба по дереву, художественные гончарные изделия, вышивка, скульптура.

Внимание привлекает работа рабочего Речицкой спичечной фабрики тов. Ковшевного, сложившего из 300 тысяч спичек картину на тему о завоевателях Северного полюса.

Наряду с произведениями народного творчества в Доме Красной Армии действует юбилейная выставка картин белорусских художников. Среди портретов на выставке — портрет Алексея Максимовича Горького работы художника Якова Кругера.

Выставка рассказывает о 22 вузах, 25 техникумах, открытых в республике, о 200 газетах, выходящих в БССР, о вышедших многотысячными тиражами книгах белорусских писателей, о переводах творений Пушкина, Толстого на белорусский язык. Она рассказывает о цветущем сегодняшнем дне советской Белоруссии.

Десятки тысяч экскурсантов уже посетили выставку, и с каждым днем число их растет.

ВЫСТАВКА В ДОМЕ-МУЗЕЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

В киевском доме-музее Т. Г. Шевченко, где жил в 1846 году великий украинский поэт-революционер, открылась выставка картин киевских художников, посвященная жизни и творчеству Т. Г. Шевченко.

Богато представлен раздел выставки, на котором экспонированы рисунки и иллюстрации к сочинениям Шевченко.

На выставке представлена, между прочим, интересная картина художника Ужакевича, изображающая встречу в 1859 году Тараса Григорьевича с его родной сестрой Ириной — крепостной помещика Энгельгардта.

ПОПОЛНЕНИЕ ЭРМИТАЖА

Специальная закупочная комиссия Всесоюзного комитета по делам искусств приобрела для Эрмитажа картину «Путешествие Авраама» работы знаменитого художника Ластмана.

Эта картина имеет любопытную историю. Она находилась в числе многих других картин в Эрмитаже. Как-то при посещении картинной галлереи Николай I, считавший себя знатоком произведений искусств, распорядился убрать эту картину, как якобы не представляющую художественной ценности. Распоряжение это выполнили, но куда девалась после этого картина Ластмана, было неизвестно.

Только теперь, спустя 84 года, эта замечательная картина снова возвращена в собрание Эрмитажа.

Закуплены также для Эрмитажа три портрета работы И. Репина, бронзовая скульптура работы Паоло Трубецкого и картина Брюллова.

Маленький фельетон

Обстоятельства, при которых погиб Гораций

Двенадцать месяцев работала А. П. Арсеньева над стихотворным переводом с французского трагедии Корнеля «Гораций». Тов. Арсеньева делала эту работу по собственной инициативе, не имея договора ни с одним издательством. Переводчица с редкой добросовестностью отнеслась к своей задаче.

10 октября А. П. Арсеньева сдала перевод «Горация» в издательство «Искусство», надеясь его увидеть напечатанным в «Библиотеке мировой драматургии». Несколько раз приходила за отзывом — то не было рецензии, то не было нужного человека, от которого зависит разрешение просмотреть написанную рецензию.

Наконец, А. П. Арсеньевой удалось повидать заведующего театральным отделом издательства тов. Богданова. Произошла следующая сценка.

Арсеньева (с волнением).—Могу ли я получить вашу рецензию на трагедию «Гораций» Корнеля?

Богданов (с убийственной холодностью).—Это вы и есть Корнель?

Арсеньева (покачнувшись, прислонилась к стене).—Нет, я только переводчик...

Заведующий театральным отделом Богданов, стреляный воробей, ледяным взглядом окинул внезапно побледневшую посетительницу. Ох, уж эти авторские штучки! Поднялся. Прошел в соседнюю комнату вместе с Арсеньевой. Взял у секретарши рецензию, пробежал ее глазами и удалился, небрежно бросив:

— Ну что-ж... Рецензия правильная, дайте ее гражданке почитать.

А. П. Арсеньева заглянула в рецензию издательства и обомлела.

Рецензент, излагая содержание «Горация», не особенно-то считался с авторским сюжетом отца французской трагедии Корнеля. Он великодушно преподнес Камилле и мужа и жениха в одном лице Курьяция. Вместо того, чтобы убить Камиллу, по Корнелю, сердобольный рецензент только ранил ее, но тотчас же похоронил раненую девушку в одной могиле с ее любимым, Курьяцием, который был, как мы уже говорили, вышеозначенным рецензентом превращен одновременно в мужа и жениха несчастной девушки...

Трудно представить, как у издательства «Искусство» поднялась рука на такую жестокость, от которой воздержался даже один из героев «Горация» Туллий, царь Рима, можно сказать, классовый враг...

Покончив с сюжетом, рецензент приступил к разбору композиции гениального произведения. Он писал:

«Сюжет построен крайне бездейственно. На длинных монологах о долге, об обычаях, изредка о событиях, происходящих за сценой, построена вся пьеса. Образов индивидуализированных совсем нет. Все персонажи не живые лица, а только персонажи, носящие различные имена... Вместо художественных образов — серые, однообразные и мертвые персонажи»...

«... При крайне низком уровне художественных качеств пьесы, почти нет положительных сторон и в отношении культурно-воспитательном. Идея об общественном долге, как высшем критерии поступков, выражена столь туманно и такими средствами, что «поймать» ее крайне затруднительно... Следует сделать вывод, что для постановки эта пьеса непригодна, печатать ее в издательстве «Искусство» не следует...»

Так расправился с великим Корнелем рецензент Горев, а заведующий театральным отделом издательства Богданов, чистосердечно принявший Арсеньеву за Корнеля, вместо того, чтобы вступиться за отца французской трагедии, доканал великого классика репликой:

— Ну что-ж. Рецензия правильная.

Стоит ли говорить о том, что мнение некоторых лиц, имеющих некоторое отношение к литературе, несколько расходится с мнением издательства «Искусство»?

Был, например, такой человек — Александр Сергеевич Пушкин, тоже писатель... (Товарищи из издательства «Искусство», вы о таком слыхали?). Так вот, А. С. Пушкин в своем письме к Н. Н. Раевскому 30 января 1829 г писал о Корнеле, что в нем...

...«Более естественности, чем в прочих классиках и во всех романтиках... Корнель, единственный француз, которого можно сравнивать с Шекспиром. Истинных гениев трагедии Шекспира и Корнеля никак нельзя заподозрить в неправдоподобии!».

Или, скажем, например, Вольтер. Он побывал в театре, где ставили «Горация», и под горячим впечатлением написал:

...«Зрители, присутствующие на спектакле, кричали от восторга. Ничего более возвышенного не было создано до сих пор... Острота и блеск языка сделали Корнеля достойным имени Великий».

Наконец, есть еще Ромэн Роллан. Живой человек. Приезжал к нам в СССР. Помните, товарищи из «Искусства», еще такой снимок печатался в «Правде», в «Известиях». А. М. Горький встречает Ромэн Роллана на Белорусском вокзале.

Вот какого он мнения о «Горации» Корнеля:

«...Непрерывный ток действия связывает публику со сценой... Он втягивает публику в самое действие, выполняя первую заповедь великого драматурга: говорить для всех... Таков Гораций, — бурный героизм его действительно способен и даже, пожалуй, слишком — волновать массы...»

Мы предупреждаем, что это всего лишь две-три цитаты из больших и восторженных высказываний умерших и живых гениев слова, лучших умов человечества. Может, довольно с вас этих цитат, уважаемые товарищи из издательства «Искусство»? А то может продолжить, — литература о Корнеле содержит 2000 названий.

ЭЛЬ-РЕГИСТАН.

Разбазаривание некрасовского наследства

8 января 1938 г. исполняется 60 лет со дня смерти великого русского поэта-гражданина Н. А. Некрасова.

В бывшем родовом имении Некрасова в Ярославской области, в 20 километрах от Ярославля, осталось богатое литературное наследство поэта.

В Ярославле находилось значительное количество документов и материалов о жизни и литературном творчестве Н. А. Некрасова. Сейчас многие драгоценные документы исчезли. Нет ни одного автографа поэта, бесследно исчезли автографы предсмертного письма поэта брату — Ф. А. Некрасову, восемь листов программы «Русских женщин», черновики произведений: «Притча о киселе», «Кому на Руси жить хорошо», «Крещенские морозы» и другие, общей сложностью 170 листов.

Похищена также большая переписка Н. А. Некрасова. Из огромного количества портретов поэта уцелел только один — работы художника Крамского.

Из вещей, принадлежавших Некрасову, в краеведческом музее сохранились только письменный стол, диван, бронзовая статуэтка и чучело глухаря. По каталогу же на выставке имелись: ручка для пера, визитная карточка, карандаш, трость с серебряной ручкой, охотничье ружье, пороховница, дробовница, кожаный патронташ и другие вещи, принадлежавшие писателю.

Документы и книги бывшей некрасовской библиотеки, находящиеся в краеведческом музее, свалены в кучу. Среди них комплект «Литературной газеты» за 1841 год, где опубликовано много произведений Н. А. Некрасова; литературный сборник «Складчина» за 1874 г., где напечатаны «Три элегии»; «Архив села Карабихи», содержащий письма поэта, а также письма к поэту Белинского, Островского, Толстого, Салтыкова, Писемского, Успенского и т. д.

В куче валяется сборник «Неизданные произведения Некрасова», «Труды воспитанника ярославской духовной семинарии Павла Тихвинского» и многое другое.

Н. НАУМОВ.

Нужно ли переиздавать «Бабьи тропы»

Полтора часа ждали члены кружка рабочих рецензентов писателя Феоктиста Березовского.

На обсуждении стоял вопрос: надо ли переиздавать его роман **«Бабьи тропы»?**

Рецензенты хотели ознакомиться с тем, как автор работал над своей книгой. Но Феоктист Березовский, утомительно и подробно рассказав свою биографию, сообщил, что роман написал в полтора года и что часть читателей приняла его восторженно, а часть забросала автора грязью.

— Я знаю, кто эта часть! — тоном прокурора заявил Березовский. — Это интеллигенты, это те, которые...

Ход прений был предрешен! Каждый из выступавших рисковал попасть в число «тех, которые». И все же рецензенты резко выступили против голого натурализма, против грубого, засоренного языка книги, против ее примитива и бесцветности.

Критикующие подчеркивали особенную беспомощность писателя при его попытках нарисовать образ рабочего, большевика.

Конкретно разбирая каждую страницу, каждую строку книги, рабочие-рецензенты критиковали работу автора.

Но Феоктист Березовский, видно, не терпит критики, даже деловой и конкретной.

Сорвавшись с места, опрокинув стул, он начал свое заключительное слово заявлением:

— Если вы собрались здесь разнести меня, то вам это не удастся! Я воробей стреляный.

В дальнейшем он повел себя уже явно недостойно. Он грубо и оскорбительно передразнивал выступавших, стал брать под сомнение отдельных рабочих-рецензентов, вызвав возмущение собрания.

Представителю издательства «Советский писатель» т. Ивановой пришлось остановить Феоктиста Березовского. После этого его речь стала значительно спокойней: автор перешел к разбору тщательно подобранных им хвалебных отзывов о романе.

В конце собрания выступила т. Иванова с неожиданным заключением:

— Значит мы сошлись, — сказала она — на том, что переиздавать роман «Бабьи тропы» надо, но сделав в нем некоторые исправления.

Почему? Почему при столь острой нехватке бумаги надо в семнадцатый раз переиздавать этот роман?

Не потому ли, что Феоктист Березовский является членом правления издательства, которое услужливо уже выдало ему под эти «Бабьи тропы» аванс в 8.700 рублей?

Кстати об авансах. Феоктист Березовский задолжал издательству «Советский писатель» не только по книге «Бабьи тропы», но и по ряду еще не родившихся книг.

Так, по договору 1932 года Феоктист Березовский должен был сдать издательству к 1 сентября 1935 года новую книгу «Таежные застрельщики». Книгу не сдал, но 2157 рублей авансом получил.

По второму договору, то же 1932 г., он должен был сдать к 1 сентября 1935 года «Рассказы о транспорте». Книгу не сдал, но 3 тысячи рублей авансом получил.

По третьему договору он же должен был сдать к 1 декабря 1936 года книгу «Казахстан». Книгу не сдал, но 3 тысячи рублей авансом получил.

Так, издательство «Советский писатель» выплатило Феоктисту Березовскому 16.857 рублей только за одни названия книг. Что же тут удивительного, если издательство теперь пытается возместить эту сумму новым переизданием тех же «Бабьих троп».

Н. Б.

Переписка А. М. Горького с А. П. Чеховым

Издательство Академии наук СССР выпустило в свет сборник **«М. Горький и А. Чехов»**. В книгу включены обширная переписка, статьи и высказывания этих двух писателей.

В книгу включены 89 писем, ряд высказываний А. М. Горького о Чехове, статьи, рассказы-мемуары, а также некоторые неопубликованные архивные данные о взаимоотношениях Горького и Чехова.

Сборник выпущен тиражом 20 тысяч экземпляров. Цена 11 руб.

Подлинный подарок

5 декабря годовщина утверждения Сталинской Конституции.

Партиздат ЦК ВКП(б) отметил эту великую дату новым изданием исторического доклада товарища Сталина «О проекте Конституции Союза ССР» и текста основного закона нашей страны. Книга имеет специальное назначение — это подарок лучшим стахановцам.

Сотрудники Партиздата любовно и много работали над ее оформлением. Простой, но красивый переплет, хорошая плотная бумага, ясные шрифты, оригинальные заставки радуют глаз читателя. Особенно высоко стоят иллюстрации — прекрасный барельеф Ленина—Сталина и отдельно портрет товарища Сталина на трибуне.

Образцы музыкальных произведений, выпущенных Музгизом к выборной кампании. (Союзфото).

Литературная жизнь фабрик и заводов

Неопытный руководитель

(Литературное об'единение вагоноремонтного завода им. Войтовича)

Однажды на очередное занятие литературного кружка завода «Серп и молот» — «Вальцовка» явилось трое товарищей.

— Вы из какого цеха? В кружок поступить хотите?.. — спросили поэты «Вальцовки».

Ответ был неожиданным.

— Мы из литературного кружка вагоноремонтного завода им. Войтовича. Обращаемся к вам с просьбой, как к старшему творческому коллективу, помочь нам в работе. К вам нас направил комсомольский комитет.

«Вальцовка» внимательно выслушала гостей. В дружеской беседе литкружковцы завода им. Войтовича рассказали нам о том, что их кружок существовал год. Руководителем у них был представитель союза советских писателей некий т. Иванов. Занятия проходили нудно и однообразно. Неопытный руководитель читал длинные лекции, делал он это поверхностно, перепрыгивая с изучения произведений Чехова к изучению произведений Некрасова и т. д. Бывший редактор многотиражки «Красный вагонник» не желал на страницах заводской газеты печатать стихи, очерки и рассказы литкружковцев.

«Вальцовка» решила помочь.

Мы, серпомолотовцы, обратились с комсомольским призывом:

— Товарищи, разве вы не хотите своих песен, которые бы написали ваши друзья по цеху? У вас есть способные люди, почему комсомольская организация не поможет им создать свой творческий литературный кружок? Мы пришли к вам на помощь. Давайте работать.

Занятия стали происходить аккуратно, в декаду раз. Разбирались стихи В. Маяковского, читались критические статьи из журнала, литкружковцы читали свои новые произведения.

Радостным был день и для всех рабочих завода и для литкружковцев, в особенности, когда в газете «Красный вагонник» вышла первая литературная страница.

Но прошли медовые месяцы. Литкружковцы проявили мало настойчивости и инициативы. Работа пошла под уклон. Между тем право на существование это литературное об'единение безусловно имеет. Они могут писать песни и о своем заводе, о росте своих замечательных стахановцев, они могут сделать свою газету живой, содержательной и интересной.

Староста литкружка «Вальцовка» А. ФИЛАТОВ.

Актив продолжает жить

На **Автозаводе имени Сталина** долгое время существовало большое литературное об'единение, в котором был постоянный авторский актив в 25—30 человек. До марта 1937 г. на заводе выходила своя «Литературная газета». В ней все — от передовой и до хроники — делалось самими рабочими, членами литературного об'единения.

В настоящее время литературная работа на заводе заглохла. Литературный актив остался без всякого руководства. Помощи нет ни от союза писателей, ни от общественных организаций.

Но многие рабочие продолжают упорно работать над стихами и рассказами. Работник отдела главного механика Каминский поместил в многотиржке сатирическую поэму «Онегин на заводе», в которой крепко раскритиковал все неполадки, имеющиеся на предприятии. Работающая на заводе т. Нечаева пишет пьесу из жизни своего завода. Нечаева уже написала одну пьесу, она была поставлена заводским театральным коллективом. Этот же автор работает над беллетристическими произведениями. Тема их — жизнь советской молодежи. За последнее время в заводской многотиражке прошли ее рассказы.

На заводе имеются и свои рабочие-критики (Николаенко, Жданов, Иванов, Зотов и другие), они уже второй год работают в рецензентском кружке издательства «Советский писатель».

Литературный актив завода продолжает работать, и он вправе рассчитывать на помощь.

Член литературного об'единения Автозавода имени Сталина П. ШИФМАН.

«Свернулись»

До весны 1937 г. на заводе им. Авиахима велась большая литературно-художественная работа. Регулярно устраивались литературные вечера, встречи заводского актива с писателями. Большим успехом у рабочей аудитории пользовались литературные конференции, посвященные Пушкину и Маяковскому. Залы клуба в эти дни были переполнены. На этих конференциях выступали рабочие. Чувствовалось, что они глубоко интересуются литературой и хотят хорошо ознакомиться с творчеством своих любимых писателей.

С неменьшим успехом прошел также вечер, посвященный антифашистской литературе.

Но рабочие завода не только выступали на этих вечерах. В библиотеке завода до сих пор хранятся рецензии рабочих, которые они в то время писали почти о каждой вновь выходящей книге. Эти рецензии печатались в заводской многотиражке. Не мало места уделяла многотиражка и творчеству самих рабочих. Регулярно на ее страницах появлялись стихи, рассказы, очерки заводских поэтов и беллетристов.

Но литературный актив завода нуждался в серьезном руководстве. Союз советских писателей прислал на завод для руководства творческим кружком т. Дубровского. Дубровский ничего не дал кружку. Мало этого. Он фактически развалил работу. Не было обеспечено нужного руководства и кружком рабочих-рецензентов.

В результате литературный актив завода перестал работать. Правда, и сейчас в клубе устраиваются литературные вечера: «Советская литература за 20 лет» с участием Д. Алтаузена, вечер, посвященный советской драматургии, на котором выступали Н. Погодин, Лебедев-Кумач и другие.

Но увы... На этих вечерах рабочие являются лишь только молчаливыми слушателями, а не активными участниками.

С. ШИФ.

«Академия» вливается в Гослитиздат

Не раз советская общественность отмечала явно неудовлетворительную работу издательства «Академия».

Не имея ни полиграфической базы, ни достаточных средств и квалифицированных кадров, «Академия» выпускала на рынок книги, зачастую весьма сомнительного качества и притом крайне дорогие. Из года в год издательство не выполняло своих промфинпланов, терпело крупные убытки, срывало плановое снабжение советского читателя произведениями мировой классической литературы.

По решению правительства издательство «Академия» влито в Гослитиздат.

Сейчас идет передача дел, редакционного портфеля и книг, находящихся в производстве. Передача происходит так, что лучшая часть начатых «Академией» изданий не будет задержана в производстве.

За счет сокращения второстепенной мемуарной литературы, не рассчитанной на массового читателя, Гослитиздат увеличит тиражи выпускаемых сочинений классиков и произведений античной литературы.

Слияние издательства «Академия» с Гослитиздатом будет закончено к 15 декабря.

ЛЕВ КАССИЛЬ

Дело о написании

В общей нашей прессе, да и в специальных критических журналах о литературе для детей пишут или в большие праздники, когда для увеселения номера удобно вспомнить о малых сих, или по случаю какого-либо печального происшествия с детской книгой, когда надлежит одернуть, выправить, заострить...

Единственным органом, регулярно печатающим статьи, критические отзывы, рецензии о книгах для детей, о детских журналах и писателях, работающих в этой области, является журнал **«Детская литература»**, выходящий в издательстве «Молодая гвардия». Казалось бы, что детские писатели, обойденные вниманием критики, должны с нежной признательностью и с самыми святыми чувствами тянуться, как на огонек, к этому почтенному органу. А между тем спросите, завоевал ли какой-нибудь авторитет в писательских, библиотечных и читательских кругах журнал «Детская литература»? Создал ли, воспитал ли он кадры критиков? Много ли найдется писателей, которым журнал «Детская литература» помог на трудных этапах творческого роста, помог по-товарищески?

Ни на один из этих вопросов вы положительного ответа не получите.

Правда, в журнале за последние годы было напечатано несколько довольно солидных статей об издании для детей классиков, о переводной литературе. Были большие, но общедекларативные статьи о задачах советской детской литературы. Но и в этих статьях — если дело касалось хотя бы приблизительно-конкретной оценки отдельных книг, отдельных писателей, то у автора тотчас появлялась брюзгливо-невнятная скороговорка на смену плавному, лекторскому стилю.

Странным, неприятным, раздраженным тоном разговаривает журнал «Детская литература» с советскими писателями, художниками и редакторами. Нельзя сказать, чтобы это был всегда тон заушаний, заезжательства. Но журнал усвоил отвратительный, сварливо-брюзжащий, полный недоверия и часто неумной придирчивости, подход к детской книге и ее автору.

Очень часто статьи в журнале «Детская литература» — это не исследование, а розыск, не художественный анализ, а ехидное блохоискательство, не критика, а просто какое-то **следствие по делу о написании книг для несовершеннолетних...** Он ничему не верят, эти критики из «Детской литературы». Они с первой же строки готовы заподозрить вас чорт знает в чем!.. Никогда не угадаешь, что может взять под подозрение в своей книге очередной рецензент из «Детской литературы».

Например: поэтесса З. Александрова пишет в одном из своих стихотворений для ребят:

Солнце, воздух и вода
С нами на прогулках.

«Ну, а не на прогулках? Отсутствуют»— ехидно допрашивает следователь из № 20 журнала за 1936 год. «На странице 11-й есть стихи», — продолжает там же критик:

Мы купаться побежим,
Голышами ляжем...
Ветер, ты посторожи
Трусики на пляже!

«Обращаться с такой просьбой к ветру — это, примерно, то же, что обращаться к огню с просьбой предостеречь от пожара», — пишет далее критик, и сам тут же добавляет:

«В непосредственно за этим четверостишием следующих строчках ветер это и доказал:

Ветер дунул, обманул, и летят, как чайки,
Голубые трусики, беленькие майки.

Значит, ветер доказал доверчивым малышам, что на него полагаться нельзя. Чего же ломится в открытую дверь критик? К чему он тут придрался?

Говоря о стихах Сергея Михалкова в № 3—4 журнала за 1936 г., критик уверяет, что «московский ребенок, например, будет недоумевать, почему герой, который «едет на завод до Кропоткинских ворот», впоследствии «спешит домой» (очевидно, возвращаясь с того же завода) «с Арбата».

У Михалкова нигде не сказано, что дядя Степа в данной строке возвращается с завода. А критик учиняет сыск, устанавливает пристрастное уличное наблюдение за героем и пытается уличить автора в том, что тот посадил (о, непростительная поэтическая погрешность!) своего героя не в тот трамвай...

В другой статье о Михалкове, принадлежавшей т. Н. Плиско (№ 17, 1937) — та же копеечная придирчивость к автору. «Ребенка уговаривают спать, ссылаясь на то, что уже спят звери, птицы, люди, и поэтому ребенку также необходимо уснуть».

Почему тебе не спится, ты же сонная легла?
. . . .
Под кустом лежит зайчиха,
Спать и мы с тобой должны...

«Обращение поэта к Светлане с вопросом, почему она не спит — торжествует критик — может быть легко отпарировано. Ибо первый же пример, приведенный поэтом в доказательство того факта, что все уже спят, легко может быть опровергнут Светланой. Ну, что из того, что зайчиха лежит под кустом? Ведь неизвестно — спит она, или не спит. Она, может быть, грезит, подобно Светлане»... Эх, напрасно тут уж критик не взял в работу зайчиху: грезит? О чем грезит? Это тоже бы надо выяснить...

Критикуя книжку Кипниса «Моряк», редактор журнала А. Бабушкина (№ 9, 1937) ведет следующий допрос с пристрастием: «Мать ушла на работу, а домработница Харитина ушла на базар. По странным понятиям автора, Харитина торчит на базаре целый день, а мать это заведенное правило запирать ребенка на целый день почему то не заботит. Может, быть, автор тут что-то недоговаривает? Может быть, никакой домработницы Харитины и нет, а есть одна несчастная мать, которая вынуждена запирать двухлетнего сына дома, чтобы зарабатывать на хлеб?..»

Ничему, как видите, не верят в журнале «Детская литература». Ведь сказано же ясно: есть Харитина, ушла на базар... Ну, чего вы не верите, чорт побери, в конце концов! Но Бабушкина уже решила, что автор «не договаривает» и обрушивается на мать героя, на автора и на редактора книжки с громоподобными обвинениями в «скотском отношении к ребенку», и называет рассказ «неприкрыто издевающимся над чувствами советской матери». Мы не собираемся здесь давать оценку посредственной книжке т. Кипниса, но можем заверить читателей, что в рассказе «Моряк» нет ничего, что могло бы оправдать подобную огульную безответственную ругань.

*

Далеко не об'ективными являются оценки, которые журнал дает произведениям советских писателей, работающих в детской литературе. Притчей во языцех, например, стали совершенно непристойные, недопустимые в советском журнале формы критики, и вся линия поведения редакции по отношению к А. Барто.

В декабре 1934 года журнал поместил весьма хвалебную статью о творчестве А. Барто. Но «неблагодарная» А. Барто выступила в «Литературной газете» с серьезной статьей «Ждем первой настоящей статьи», где подвергла суровой и справедливой критике работу журнала. Журнал быстро «откликнулся» на это статьей некоего Малишевского (по профессии дрессировщика свиней).

Отдельные перлы этой статьи были процитированы А. Барто на совещании по детской литературе при ЦК ВЛКСМ. Вот один из этих перлов: «Острота украшающих изысков обязывает Барто к мелким, замкнутым членикам и очень слабой между ними связи в повести. Вследствие этого сюжет в качестве костяка рудиментируется, а каждый рифмованный сектор, наоборот, приобретает жесткость раковой скорлупы, заменяя собой костяк и сдерживая все жидкое содержимое повести».

В ответ на выступление А. Барто журнал обрушил в одном из очередных номеров на голову писательницы все свои собранные в кулак критические силы. Грубо, бестактно, несправедливо совершен был этот критический наскок. «Комсомольская правда», во-время призвала к порядку журнал и его редактора. Журнал признал свою ошибку и обещал дать правильную развернутую оценку творчества А. Барто. Прошло полтора года. За это время вышел ряд книг А. Барто («Игрушки», «На заставе» и др.), разошедшиеся в миллионных тиражах и занявшие свое место на полках детских библиотек. Но журнал с тупым упрямством продолжает замалчивать работу А. Барто, словно ее и вовсе нет среди пишущих книги для советских детей.

В одном из обзоров хвалят приключенческую повесть тов. Лоскутова и Тушкана «Голубой берег», а затем помещают об этой же вещи разносную статью, ссылаясь на непроверенную и вздорную статейку в местной газете, — статью, о которой уже сейчас имеется решительно опровергающее ее суждение бюро секции детской литературы Союза советских писателей. Не хочется здесь писать о себе, но посудите, каково самочувствие писателя, о книжке которого («Турецкие бутсы», например) сперва пишется, что она сделана «прекрасно», а потом сообщается, что вещь совсем слаба и надуманна.

Журнал не верит нам. И мы не верим журналу Не верят ему и сотрудники детских садов, педагоги, библиотекари. Не верит наш читатель, пылкий, требовательный, чьи «свидетельские показания» то и дело решительно опровергают весь ход «следствия по делу о написании», которое ведет журнал.

А журнал нужен нам. Мы ждем решительной перестройки всей его работы. Мы хотим, чтобы он заговорил голосом живым, теплым, заинтересованным. Чтобы он ругал и хвалил нас, помогал, советовал, направлял, но делал все это с умом и от чистого и горячего сердца.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение. РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бул., 11. тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоч. Главлита В—29632. Типография газ. «Индустрия». Москва, Цветной бульвар, 30.